

ДАРСИ КОУТС

ЯДОВИТЫЕ СТРАНИЦЫ

ПРИЗРАКИ

ДОМА ЭШБЕРН

Ядовитые страницы

Дарси Коутс

Призраки дома Эшберн

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

Коутс Д.

Призраки дома Эшберн / Д. Коутс — «Издательство АСТ»,
2016 — (Ядовитые страницы)

ISBN 978-5-17-137627-7

Что-то не так с домом Эшберн... Об этом доме знают все. Говорят, прежняя владелица сошла с ума, а беспокойные призраки все еще бродят по комнатам. Но когда Эдриенн, отчаянно нуждавшаяся в жилье, получила обветшавший особняк в наследство, она увидела в нем свое спасение... пока не наступила темнота. Странные послания появляются на стенах... Мебель двигается, стоит выйти из комнаты. Могила в глубине леса намекает на ужасную тайну. Что-то страшное, ненормальное живет в ее доме и следит за ней голодными глазами. Вскоре Эдриенн понимает, что стала жертвой чего-то очень злопамятного. Она не знает, как сбежать от этого. Не знает, как выжить. Но одно можно сказать наверняка: МЕРТВЕЦЫ ЭШБЕРНА НЕ ОБРЕЛИ ПОКОЙ.

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-137627-7

© Коутс Д., 2016

© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	37
Глава 11	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дарси Коутс

Призраки дома Эшберн

Copyright © 2016, 2019 by Darcy Coates

© А. Ляхова, перевод на русский язык, 2021

© Издательство «АСТ», 2021

* * *

Глава 1

Полет

Огромные капли дождя падали на обнаженные руки и лицо Эдриенн, пока мать несла ее на руках из-под навеса крыльца, спускаясь по скрипучим деревянным ступеням. Слышался топот ног и сбившееся дыхание, руки сжимали ее тело до боли.

Она повернулась, чтобы взглянуть на лицо матери. Ее глаза были широко распахнуты. Тушь стекала по побледневшим щекам. Женщина вздрогнула, когда на небе сверкнула молния – ослепительно белая на фоне темного силуэта дома.

Огромный, покосившийся Эшберн возвышался над ними. Белая краска местами облупилась, обнажив грязно-серое дерево, а черные окна, словно мертвые глаза, таращились на лужайку перед домом. Солнце уже село, и грозовые тучи приобрели ярко-красные и розовые оттенки. Животные в лесной чаще издавали самые разнообразные звуки, вокруг прыгали какие-то насекомые, а мать с дочерью на руках бежала по высокой траве к машине, припаркованной у грязной подъездной дороги.

Эдриенн упала на пассажирское сидение, дверь машины захлопнулась. Мать не пристегнула девочку, и это ее напугало. Раньше мама никогда не забывала об этом. Она повернулась к окну, чтобы взглянуть на дом и увидела, как входная дверь скользнула в сторону.

Мама прыгнула на водительское сидение, двигатель взревел, и лысые шины заскользили по грязи. Пока они отъезжали, Эдриенн показалось, что она увидела в дверном проеме фигуру человека.

Невероятно высокую, в длинном черном одеянии. Эдриенн и ее мать по очереди смотрели в зеркальце заднего вида, пока, сделав очень крутой поворот, машина не свернула за угол, и дом исчез за густыми зарослями деревьев.

Мать Эдриенн ничего не говорила, лишь судорожно дышала, не замечая слез, размазанной по щекам туши и капель крови на шее.

Глава 2

Подарок незнакомца

Семнадцать лет спустя

Каждый раз, когда Вольфганг издавал долгий жалобный звук, водитель такси ухмылялся и фыркал от смеха, словно это была самая забавная вещь на свете. Эдриенн пыталась улыбаться в ответ, но получалось неискренне. Обычно Вольфганг был спокойным и тихим котом. Должно быть, он по-настоящему возненавидел водителя такси, если так часто выражал свое возмущение. Он даже не обратил внимания на лакомство, которое Эдриенн просунула сквозь решетку переноски, а он *никогда* не отказывался от лакомств.

– Прости, приятель, – прошептала она, услышав, наверное, уже миллионное по счету «мяу». – Осталось еще немного.

Огромный серый котяра повернул к ней глаза цвета морской волны и изобразил самое душераздирающее страдание, на которое только способны коты.

– У вас здесь семья? – водитель такси, молодой и энергичный мужчина, яростно вжимавший педаль газа в пол, уже несколько раз за поездку пытался завести разговор, однако, Эдриенн даже в лучшие времена была не сильна в светских беседах, а это утро выдалось далеко не лучшим.

– Нет... то есть... видимо, была когда-то? – Это был ужасный ответ на вопрос, но Эдриенн не была готова рассказывать таксисту, что унаследовала дом от родственника, которого, по заверениям ее матери, вообще не существовало.

Таксист, судя по всему, готов был задать следующий вопрос, но Вольфганг снова издал жалобный стон, на что водитель опять хмыкнул и покачал головой. Эдриенн была за это благодарна. Прошлая неделя была такой сумбурной, что у нее почти не было ни секунды на саму себя, и теперь на нее обрушился вал тревожных мыслей.

Мисс Эдит Эшберн завещала вам свою собственность...

Эдриенн никогда бы не подумала, что получит наследство. Конечно же, она мечтала об этом – фантазировала о том, как ее отец оказывается королем или она неожиданно знакомится с одиноким миллионером. Однако Эдриенн выросла, и кредиты, счета за лечение и оплата долгов стали ее реальностью, а мечты отошли на второй план.

Завещание было неожиданностью еще и потому, что мать решительно настаивала на том, что у них не осталось родственников. По словам задерганного адвоката, Эдит Эшберн была дочерью сестры бабушки матери Эдриенн. Следовательно, она была двоюродной бабушкой Эдриенн, но девушка чувствовала, что спокойствия ради ей необходимо увидеть семейное древо своими глазами.

Водитель такси слишком резко свернул за угол, и Эдриенн пришлось схватить переноску, чтобы та не ударилась о дверь машины. Вольфганг взвыл, девушка промямлила ненужные водителю извинения, а таксист рассмеялся.

– Вот ваша деревня, – сказал он, и Эдриенн оторвала взгляд от переноски, чтобы посмотреть на кучку разбросанных перед ними строений.

Ипсон был крошечным провинциальным городком. Согласно интернету, его население составляло около восьми-девяти сотен человек. Городок оказался неожиданно красивым – большие зеленые деревья выстроились вдоль улиц, а дома выглядели относительно чистыми и ухоженными. В двух кварталах от главной улицы со множеством маленьких магазинчиков,

рядом с ратушей стояла крошечная школа. Даже с такого расстояния Эдриенн удалось разглядеть сверкающий бронзовый шпиль церкви.

Ближе к окраинам многоквартирные дома сменялись небольшими фермами.

Они спустились в долину. Несколько минут дорога шла вдоль ярко-голубой извилистой ленты реки с заросшими ивами берегами – затем машина въехала в город.

Прижимая переноску одной рукой, чтобы уберечь Вольфганга от самых сильных толчков на дороге, Эдриенн устала в окно, чтобы рассмотреть место, которое должно было стать ее домом. Продавец овощей раскладывал на прилавке авокадо; две пожилых женщины пили чай возле кафе; цветочный магазин, был забит цветами настолько, что они вываливались на тротуар. Когда такси с визгом затормозило у пешеходного перехода, Вольфганг жалобно взвыл, а Эдриенн попыталась удержать переноску на сидении.

– А он любит поболтать, а? – рассмеялся таксист.

– Вольф не любит машины. Слишком часто ездил к ветеринару, – внимание Эдриенн привлекла группа из четырех элегантных девушек, собравшихся возле здания, которое, судя по всему, было одновременно чем-то вроде букинистического магазина и кофейни. Девушкам было около двадцати – примерно как самой Эдриенн – и они оживленно разговаривали. Девушке подумалось, что они могли бы подружиться. В таком крошечном городке, должно быть, мало девушек ее возраста, и сейчас она, скорее всего, увидела почти всех из них.

Самая высокая девушка повернулась к машине и приподняла брови. Темно-красные губы, резко контрастировавшие со светлыми волосами до плеч, сложились в ироничную улыбку, она повернулась к своим собеседницам и заговорила. Девушки рассмеялись, их макияжные ручки взлетели, чтобы прикрыть жемчужные зубы, а глаза загорелись тайным восторгом.

Такси с визгом рвануло вперед прежде, чем Эдриенн успела покраснеть, как помидор. *Они разговаривали обо мне. Почему? Неужели они знают, кто я?*

Это было вполне вероятно. Она откинулась на спинку сидения. Вероятно, городок был слишком мал, чтобы иметь свой собственный таксопарк, и любой заметный автомобиль, явно сообщал о прибытии нового человека.

Все это вызывало целый ряд вопросов, на которые у Эдриенн не было ответов. *Как хорошо в этом городишке знали Эдит Эшберн? Была ли она постоянной посетительницей кафе, важным членом общественного комитета или владелицей известного в городе бизнеса? Многие ли в этом городе знают, что она умерла? Думали ли жители городка о том, кто может поселиться в опустевшем доме? Следил ли весь город за такси, что должно было привезти «замену» Эдит?*

От мысли о том, что здесь ее ждали, Эдриенн охватила тревога. Она плотнее прижалась к себе перевозку, а Вольфганг, которому было так же не по себе, как и его хозяйке, зашипел.

Машина пронеслась мимо еще нескольких магазинчиков, и теперь, когда Эдриенн стала присматриваться к жителям куда больше, чем к архитектуре, она с ужасом поняла, сколько привлекла внимания. Головы поворачивались вслед автомобилю, когда он приближался, и на лицах людей возникало понимание. Эдриенн представляла, как они поворачиваются друг к другу уже после того, как машина проезжала мимо, и шепчут: *«Это она. Она будет жить в доме Эдит».*

– Сколько... боже... – во рту у Эдриенн пересохло, и ей пришлось облизнуть губы, чтобы говорить разборчиво. – Нам еще далеко?

Таксист ткнул пальцем в навигатор на приборной панели.

– Похоже, нам на другой конец города. Милое местечко, а?

– Это точно.

Причудливые магазинчики, аккуратные домики и большие зеленые деревья, безусловно, выглядели привлекательно, но лишь усиливали ощущение того, что Эдриенн была здесь чужой,

умолявшей, чтобы ее пустили в этот идеальный мир. Она не знала особенностей этого города, не разделяла его воспоминаний и не была частью его истории. Ей здесь были не рады.

Хватит. Она зажмурилась и попыталась избавиться от воспоминания о том, как десятки глаз провожали ярко-желтый автомобиль. *У тебя есть свой дом, и это чертовски лучше, чем то место, где ты находилась всего неделю назад. Единственное, что ты имеешь право чувствовать, – это благодарность.*

Машина с визгом повернула, и неожиданно они оказались на другой стороне города, оставив пригород позади. Кусты и деревья все гуще обступали дорогу, а слева вновь показался ручей. Эдриенн медленно вдохнула. Сжимавшая сердце тревога отступила, как только они скрылись с глаз жителей города, однако, на смену пришло какое-то сюрреалистическое чувство. Дома встречались все реже, уступая место пустым полям.

Эдриенн наклонилась вперед и прищурилась, чтобы разглядеть, что было на экране навигатора.

– Эм... простите, но... мы что, случайно, проехали мимо?

– Нет, если верить этой штуке, – таксист ткнул пальцем в экран. – Говорит, что нужно ехать дальше.

– Ох... – Эдриенн вновь откинулась на спинку. Она догадывалась, что ей могли завещать небольшой домик в пригороде, но сейчас они уже оставили позади даже фермерские дома.

Такси сбавило скорость и свернуло в заросли кустов. Эдриенн, подумала, что они съехали с дороги, крепче прижала Вольфганга, и перевела дух, когда поняла, что таксист нашел узкую и хорошо замаскированную грязную подъездную дорогу.

– Господи, – пробормотал водитель. Он наклонился к рулю и прищурился, чтобы разглядеть путь. Эдриенн могла его понять – дорога вся заросла. Впервые с того момента, как он забрал Эдриенн от дома подруги, таксист сбавил скорость до двадцати километров в час.

Слева появился знак, и Эдриенн прижалась к стеклу, чтобы прочитать надпись. Дереву на вид было лет пятьдесят, столб угрожающе накренился. Краска облупилась, и надпись стала почти нечитабельной, однако, фраза была достаточно знакомой, чтобы сложить сохранившиеся фрагменты воедино:

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ.

Справа возник другой знак – он был прибит к дереву огромным ржавым металлическим гвоздем и гласил:

НЕ ПРИБЛИЖАЙТЕСЬ.

И, наконец, на третьем знаке, почти свалившемся со столба, на котором висел, было начертано:

ПРОЕЗД ЗАПРЕЩЕН.

– Видимо, популярное местечко, – сказал водитель, улыбнувшись так широко, что почти отвлек Эдриенн от четвертого знака:

ПОВОРАЧИВАЙТЕ НАЗАД.

Она выдавила из себя смешок, но он прозвучал фальшиво. Вольфганг вновь принялся мяукать, но, теперь звуки превратились в протяжный вой. Эдриенн наклонилась, чтобы успокоить его. Уши кота были прижаты к голове, а шерсть, и без того пышная, встала дыбом, заполнив всю переноску.

– Потерпи еще пару минут, – взмолилась она. – Мы почти приехали.

Грязная дорога вела на вершину холма, ее извилины заставляли девушку ощущать неприятный, тяжелый холод где-то в глубине живота. Спустя минуту она поняла, в чем дело: все деревья в городе были зелеными, здоровыми и раскидистыми. Однако по мере того, как они

приближались к дому, растения вокруг становились все более дикими и темными. Цвет древесной коры сменился с приятно коричневого на холодно-серый, листва поблекла, стала темной, зеленовато-коричневой, а вместо пышных кустов торчали редкие, хилые и болезненные прутья, которые едва выживали среди сорняков. Казалось, будто город высосал силу и яркость красок из этого места, отдав взамен все самое плохое и унылое.

Машина поднялась на вершину холма и поползла на поворот. Лес, наконец, расступился, и Эдриенн ахнула, когда перед ними появился Эшберн.

Она вспомнила, как молния рассекла небо, очерчивая силуэт дома. Вздохи матери, отрывистые и полные отчаяния, эхом раздались у нее в ушах, а тяжелые капли дождя, как и тогда, вновь обожгли руки.

Эдриенн моргнула и снова оказалась в такси, уставившись на покосившийся трехэтажный деревянный дом.

– Тут не помешал бы ремонт, а? – таксист повернулся к ней с ухмылкой на лице, однако, в этот раз Эдриенн не смогла изобразить улыбку в ответ.

Я думала, это сон. Все казалось таким нереальным, таким странным... и все же, это тот самый дом...

Таксист остановился и заглушил двигатель.

– Я достану ваш багаж, хорошо?

– Что? О, да, извините... – Эдриенн осторожно вытащила кошачью переноску с ее драгоценным содержимым из машины. Она отнесла Вольфганга подальше от дороги и опустила на траву под деревом. Огромный котяра что-то пробурчал, но не шевельнулся.

К тому времени, как Эдриенн вернулась к машине, водитель уже выгрузил два чемодана из багажника и отряхивал руки от пыли. Услышав цену, Эдриенн чуть не поперхнулась. Поездка вышла дороже, чем она ожидала, и она была не готова расстаться с большей частью купюр из кошелька.

«Чистый лист, – напомнила она себе, когда водитель помахал ей рукой и сел обратно в машину. – За все хорошее почти всегда приходится платить».

Машина развернулась в три хода, а затем поспешила к подъездной дороге, оставив Эдриенн одну в заброшенном дворике. Как только визг колес и тарыхтение мотора стихли, на смену им пришла тихая музыка природы. Среди деревьев щебетали птицы, в высокой траве шипели и жужжали насекомые. Эдриенн смотрела на полуразрушенный дом. Вот рту пересохло, пульс зашкаливал, а воспоминания о той ночи прокручивались в ее голове снова и снова, словно пятно, от которого она не могла избавиться, как сильно бы ни терла.

Глава 3

Наследство

Эдриенн не знала, сколько простояла, таращась на дом и застыв, словно в трансе, пока Вольфганг не вывел ее из оцепенения своим сердитым воплем.

Сон – *нет, воспоминание*, поправила она себя, – потрясло ее. Должно быть, она была совсем ребенком. Но к шести годам она стала слишком тяжелой, чтобы мать могла нести ее на руках.

Что мы здесь делали?

Эдриенн открыла сумку в поисках ключа, который прислал ей адвокат. Логически едва удавалось связать воспоминание с реальностью. Мать говорила ей, что из родственников в живых никого не осталось. Получив письмо от адвоката, Эдриенн решила, что мама попросту не знала о ее двоюродной бабушке Эдит. Теперь же получалось, что она не только знала, но и встречалась с ней.

Почему она плакала?

Это был один из самых тревожных моментов из ее воспоминаний. Ее мать, спокойная, закаленная невзгодами женщина, не терпела проявления эмоций. Эдриенн даже не могла вспомнить, плакала ли мама после смерти мужа, отца Эдриенн.

Она поймала себя на мысли, что бессмысленно уставилась на кучу ручек, губных бальзамов, блокнотов и квитанций в сумке, и ей потребовалась целая минута, чтобы вспомнить, зачем она туда полезла. *Точно, ключ*. Нашупав под упаковкой бумажных салфеток конверт с тяжелым металлическим ключом от входной двери, она достала его.

У нее на подбородке действительно была кровь?

Эдриенн взглянула на дом и ощутила, как по рукам побежали мурашки. Она помнила, что на подбородке было всего шесть-семь капель, но ей никак не удавалось найти внятного объяснения тому, как красная жидкость очутилась на лице у матери.

Что именно произошло в этом доме?

Несмотря на огромный участок земли вокруг дома, его строили скорее ввысь, чем вширь. С одной стороны строение имело форму половины восьмиугольника с эркерными окнами на всех трех этажах. Остроконечная крыша была покрыта темным шифером. Веранда тянулась вдоль всей стены, уходя за дом, а входная дверь скрывалась в глубокой тени между эркерными окнами.

Вольфганг снова взвыл, и звук заставил Эдриенн прийти в себя. Тяжело дыша, она подняла переноску и пошатываясь поднялась по ступенькам крыльца. Деревянные доски застонали и прогнулись под ее весом, с карниза посыпались крошечные облачка пыли. Судя по тому, как низко стояло солнце, до наступления темноты оставалась всего пара часов, и ей хотелось устроиться как можно скорее.

Как бы Эдриенн ни хотелось понять, что произошло между Эдит и ее матерью много лет назад, она вынуждена была признать, что, скорее всего, никогда этого не узнает. Единственное ее воспоминание крутилось вокруг последних минут, когда мать несла ее из дома по ступенькам крыльца. Обе участницы событий были мертвы. Если, конечно, Эдит Эшберн не вела дневник, то их тайна со временем окончательно исчезнет.

Может быть, они были в ссоре. Эдриенн опустила переноску с Вольфгангом на крыльцо и открыла конверт с ключом. *Держать на кого-то обиду было совсем не в духе мамы*. Видимо, она всерьез ненавидела Эдит, если сказала мне, что родственников у нас не осталось.

Ключ скользнул в замочную скважину. Она повернула его и холодный ржавый металл заскрежетал. Секундой позже, с тихим щелчком дверь открылась.

Возможно, Эдит было стыдно за то, что произошло, что бы это ни было. По крайней мере, ей было не все равно, если она оставила свой дом мне.

Эдриенн толкнула дверь. Маленькие вихри пыли взметнулись в лучах заходящего солнца, петли заскрипели и дверь медленно открылась. Эдриенн прищурилась, чтобы разглядеть, что было в прихожей. Несмотря на то, что в доме было множество окон, все они потускнели от наросшей за десятки лет пыли и грязи, коридор тонул в длинных густых тенях.

Эдриенн закашлялась, сунула ключ в карман, взяла переноску с котом и переступила через порог.

Воздух внутри был другой. Тяжелый и сухой, он был пропитан затхлостью, которую Эдриенн не удавалось распознать. *Запах его обительницы*, – подсказал ей внутренний голос. – *Этот дом не видел ни единой души, кроме своей владелицы, уже полвека. Стены были пропитаны ею, половицы стерлись от следов ее ног, и сам воздух продолжал напоминать о ее присутствии даже после смерти.* Эдриенн наклонилась, чтобы заглянуть к Вольфгангу в переноску, и ухмыльнулась.

– Совсем не мрачно, да?

Ее смехок разнесся по коридору, взлетел по лестнице в другом его конце и эхом раздался на верхних этажах. Чем дальше уносился звук, тем гулче он становился, и она быстро прикрыла рот. На долю секунды в доме снова стало тихо, а затем Вольфганг издал низкий рык.

Эдриенн щелкнула маленьким выцветшим выключателем на стене рядом с дверью. Она не ожидала, что он сработает, но светильник на потолке прихожей с жужжанием ожил. Его приглушенное желтое сияние было едва ли ярче слабого света солнца, струившегося сквозь окна, но при виде его Эдриенн улыбнулась. Значит, в Эшберне было электричество. Она уж было забеспокоилась, увидев, как далеко находился дом.

Узкий коридор тянулся через весь дом. На полу лежал красный потертый ковер, вдоль стен громоздилась странная коллекция из приставных столиков, ламп, подставок для зонтов рядом с высокими напольными часами. Стены украшали выцветшие обои с красными розами и крошечными серыми завитушками.

Эдриенн закрыла за собой дверь. Она захлопнулась с оглушительно резким и пронзительным звуком, и девушка напомнила себе поискать дома у Эдит какую-нибудь смазку для петель.

Медленно, осматривая свой новый дом, она двинулась вперед. Мебель выглядела дорого, но потрепанно. Ковер насыщенного винного цвета покрылся пятнами там, где ткань истерлась до самого основания. Все поверхности выглядели немного грязными, но пыли было на удивление мало. Эдриенн подумала, что, должно быть, Эдит регулярно протирала пыль, но никогда ничего не мыла.

Справа от нее оказалась первая дверь, и она толкнула ее от себя. Это была просторная и со вкусом обставленная гостиная. Благодаря огромным эркерным окнам в передней части комнаты, здесь было светлее, чем в коридоре. Несмотря на камин, кофейный столик и ряд чистых стульев с бархатными сидениями, создавалось впечатление, что комнатой пользовались нечасто.

Эдриенн оставила дверь открытой и двинулась дальше. Ближайшая дверь слева вела на кухню с обеденным столом. В задней части расположились духовой шкаф, старая плита, скамейки и раковина. Рядом вдоль стены выстроились два одинаковых стеклянных шкафа с фарфоровыми тарелками и бокалами, все с одинаковым рисунком из розовых и алых роз. Войдя внутрь, она заметила две бледные полосы на деревянном полу возле стола. Полосы соответствовали направлению, по которому стул двигали каждый вечер, когда владелица садилась на него и вставала.

Эдриенн хотелось и дальше изучить дом, но от веса Вольфганга ныли руки. Ей необходимо было найти комнату с парой укромных уголков, в которых мог спрятаться встревожен-

ный кот, но из которой он не смог бы сбежать. Она вернулась в коридор и попыталась счастья в соседней комнате справа, что была напротив лестницы.

Дверь вела в комнату отдыха. В отличие от угловой гостиной, это помещение, явно, использовали очень часто. Подушки на кресле и на диване были измяты, а в камине все еще лежал пепел. Вдоль одной из стен протянулся книжный шкаф со старыми книгами, а вдоль остальных расположились разномастная смесь из полок и шкафов, и рояля.

Идеально для Вольфа. Она закрыла за ними дверь, опустила ношу на круглый ковер винно-красного оттенка в центре комнаты и отперла дверь переноски. Кот повернул к ней свои зловеще-зеленые глаза, но отказался покидать свою безопасную клетку.

– Прости, дружище, – Эдриенн вздохнула и протянула к питомцу руку, чтобы тот понюхал ее, прежде чем почесать за ухом. Тот вяло моргнул в ответ на знак внимания, однако, не склонил голову, как обычно. – Я знаю, тебе это не по душе, но поверь мне, это лучше, чем быть бездомными.

В ответ раздалось низкое недовольное урчание.

Эдриенн натянуто улыбнулась коту, а затем поднялась и пошла за вещами. Как Вольфганг уже мог понять, его хозяйка не шутила. Последние четыре года жизни Пэт состояли из сплошных походов к врачам, ночевок в больницах и экспериментального лечения от аутоиммунного заболевания, которое, в конце концов, взяло над ней верх. Когда здоровье ее матери ухудшилось настолько, что она не могла оставаться одна в течение дня, Эдриенн бросила работу, чтобы находиться рядом с ней, и бралась за любой фриланс, который только могла найти в сети. Она с гордостью утверждала, что они неплохо справлялись до самого последнего момента пребывания мамы в больнице.

Пэт всегда делала все возможное, чтобы у Эдриенн была твердая почва под ногами. Пока у нее были силы, она работала на двух работах, но визиты к докторам и лечение обходились недешево. К тому моменту, как ее не стало, дом был заложен дважды, а семейные сбережения превратились в долги.

Недели, следовавшие за похоронами, были сплошным круговоротом из стресса и финансовых проблем, смешанных с горем утраты. Дом, автомобиль и мебель Пэт ушли на продажу, чтобы расплатиться с долгами. Эдриенн на какое-то время переехала к подруге, но было очевидно, что это лишь временное решение. Двухкомнатной квартиры было слишком мало для четверых людей, нервного кота и агрессивного пса подруги.

Все свободное время Эдриенн проводила в поисках жилья, но поиск лишь ухудшал настроение. Работая на фрилансе, она могла позволить себе лишь дешевую квартирку, а ни в одну из тех, что ей попадались, не позволялось въезжать с животными.

Подруга предложила отдать Вольфганга кому-нибудь. С таким же успехом она могла попросить Эдриенн отрезать собственную руку – девушка любила своего пушистого монстра слишком сильно, чтобы отдать его кому-либо. Письмо о том, что Эдриенн унаследовала Эшберн, было, по мнению девушки, настоящим чудом.

Эдриенн забрала чемоданы с лужайки и понесла в дом. Солнце уже касалось верхушек деревьев, красное сияние разливалось по горизонту. Длинные тени протянулись за девушкой вдоль затхлого коридора, а сердитый птичий щебет усилился, пока пернатые готовились к вечернему гнездованию.

Она старалась сделать все, как можно скорее, но к тому времени, как вернулась в комнату отдыха и повернулась к кошачьей переноске, Вольфганга в ней уже не было. Эдриенн прикрыла дверь, чтобы кот не смог убежать, и начала вглядываться в темные уголки комнаты, пока открывала самый тяжелый из чемоданов.

– Эй, приятель, – позвала она питомца. Достав кошачий лоток, она всыпала в него древесных опилок, и поставила миски рядом с дверью. – Проголодался? Ммм?

Она погремела банкой с кошачьей едой, но серое чудовище предпочло остаться в своем укрытии. Вздохнув, Эдриенн выложила еду в одну из мисок и взяла другую, чтобы наполнить ее водой. Когда она выходила из комнаты отдыха, свет упал на исцарапанные обои на противоположной стене. Эдриенн нахмурилась. *Царапины напоминали слова.*

Она подошла ближе и вздохнула. Кто-то процарапал обои до самого дерева под ними. Под углом они не читались, но, посмотрев прямо, Эдриенн прочла надпись:

НИКАКИХ ЗЕРКАЛ

Она инстинктивно оглядела прихожую. Она была загромождена мебелью, но не было ни единого зеркала. Прежде девушка не придавала этому особого значения, но надпись вызывала тревожное, почти угрожающее, ощущение.

Она покачала головой и направилась к кухне. Раковина была огромной и старомодной. Повернув кран, Эдриенн услышала пронзительный визг и грохот труб над головой. Она пристально посмотрела на потолок, почти видя, как содрогаются наверху деревянные доски. Ледяная вода хлынула из крана, ударила рикошетом от миски и облила девушку.

Вступив в сражение с краном и пытаясь его закрыть, Эдриенн выдала целую серию весьма неженственных фраз. Промокшая, ворча, она понесла миску с водой обратно в комнату отдыха.

– Ты должен быть благодарен за это, – сказала она, поставив емкость с водой рядом с едой Вольфганга.

В комнате было тихо, но Эдриенн заметила, как что-то мелькнуло за роялем. Опустившись на колени, она наклонилась, чтобы рассмотреть источник движения. Вольфганг забился в щель между роялем и книжным шкафом, а его огромные зеленые глаза уставились на Эдриенн.

– Ты там в порядке, приятель? Не слишком пыльно?

Кот смерил хозяйку укоризненным взглядом и продолжил смотреть на противоположную стену.

Солнце опускалось за деревья, и прохладный ветер, обдувая промокшую футболку и джинсы Эдриенн, заставлял ее тряситься от холода. Она открыла второй чемодан и порылась в своих скромных пожитках, которые привезла с собой в Эшберн.

Сборы были удручающими. Большую часть вещей пришлось раздать, когда она переезжала к подруге. Еще меньше смысла было в том, чтобы тащить все это через весь штат. Один из чемоданов был полностью забит вещами Вольфганга, во втором же находилась вся жизнь Эдриенн – три комплекта одежды, полотенце, туалетные принадлежности, книга, которую она читала, чистое постельное белье и ноутбук. Ком встал в горле у Эдриенн при одном взгляде на вещи. Вся ее жизнь длиной в двадцать два года свелась лишь к этим предметам.

– Чистый лист, – сказала она Вольфгангу и попыталась улыбнуться. – В любом случае, мне много и не нужно – лишь твоя компания, место, где можно жить, и денег ровно столько, чтобы не умереть с голоду. И взгляни-ка! Благодаря двоюродной бабуле Эдит, у нас все это есть. Мы справимся.

Огромный серый кот подмигнул ей. Внезапно Эдриенн захотелось, чтобы питомец перестал прятаться, и она могла его обнять.

– Мы справимся, – повторила она. Ее собственный голос прозвучал тихо и одиноко. Девушка достала полотенце и, вытирая вымокшую одежду, принялась сушиться.

Глава 4

Что живет в ночи

Эдриенн переоделась в чистый комплект одежды и развесила сырые футболку и джинсы на спинке кресла, чтобы те просохли. Вольфганг наблюдал, как хозяйка ходит из одного угла комнаты в другой, но отказался покинуть свое укрытие, даже когда она поставила еду прямо перед его укромным уголком.

Несмотря на сухую одежду, Эдриенн поняла, что дрожит, и посмотрела на почерневший камин. Она никогда не жила в доме с камином, но сама идея всегда казалась ей очаровательной. Стопка сухих дров лежала в ящике, рядом стояло ведро с растопкой, а на полке ее ждали сложенная газета и спичечный коробок.

Почему бы и нет? Она взяла газету и посмотрела на дату. Ей было около трех месяцев, что означало, что Эдит купила ее совсем незадолго до своей кончины. Эдриенн взяла несколько газетных листов, скрутила их в неплотные шарики, положила их в покрытый копотью камин и присыпала сверху растопкой.

Как только газета загорелась, огонь быстро перекинулся на хворост, и вскоре Эдриенн подкинула в камин поленья побольше. К тому времени, как пламя основательно разгорелось, она перестала дрожать и с удовольствием отметила, что огонь освещал комнату лучше, чем одинокий свет с потолка.

Она огляделась вокруг, восхищаясь тем, как золотистое сияние отражалось от полированных деревянных стульев и книжных полок. Огонь отбрасывал длинные танцующие тени, они тянулись вверх по стенам и переплетались на потолке, а треск дров помогал заглушить стоны деревьев и щебет птиц за окнами дома.

В коридоре пробили напольные часы. Эдриенн насчитала пять долгих металлических «дзинь» и скорчила гримасу. Она и не заметила, что уже так поздно. Она пропустила обед, и теперь, когда, наконец, вспомнила о своем организме, поняла, насколько голодна.

Первоначальный план состоял в том, чтобы потратить оставшиеся деньги на продукты сразу по приезде в Эшберн, но он провалился из-за того, что дом оказался неожиданно далеко от города. *Видимо, сегодня мы будем копать в мусоре.*

Она была не в восторге от мысли, что придется исследовать дом на закате, но чем дольше она откладывала, тем темнее становилось, а потому девушка вышла из комнаты отдыха, прикрыла за собой дверь и направилась к кухне.

Помещение выглядело совершенно другим теперь, когда солнце было слишком низко, чтобы его свет мог проникать сквозь оконные стекла. Даже с включенным светом, тени накладывались друг на друга вокруг стола, плиты и кухонной скамьи. Она остановилась возле стола, где в полу были выскоблены длинные отметины, и, прищурившись, взглянула на деревянную столешницу. Ровно в том месте, где могла бы стоять тарелка, на темной поверхности виднелись царапины. *Не может быть...*

Эдриенн наклонилась ниже и выдохнула. Как и в коридоре, на блестящей столешнице, вероятно, кухонным ножом, были вырезаны слова. Фраза была расположена так, что любой, кто сидел во главе стола, всегда ее видел.

СЕГОДНЯ ПЯТНИЦА ЗАЖГИ СВЕЧУ

Эдриенн задумчиво прикусила губу и наклонилась еще ниже. Крошечные частички грязи застряли в углублениях от царапин, и это означало, что им было уже несколько месяцев, если не лет.

Как странно. С Эдит все было в порядке? Наверное, она была очень стара, когда умерла. Возможно, у нее была какая-то форма деменции или Альцгеймер – поэтому старушка делала все эти странные вещи.

Эдриенн отвернулась от стола, но не могла избавиться от картинки в своей голове: Эдит, которой к тому моменту было далеко за девяносто, в оцепенении бродит по узким коридорам Эшберна, зажав в одной руке острый столовый нож, и вырезает пугающие послания на столах и стенах дома...

Нет, не думай об этом. Должен же был кто-то жить с ней. Хотя бы какой-нибудь дружелюбный сосед, который мог просто присматривать за пожилой женщиной. Эдриенн нахмурилась и повернулась к холодильнику. *Надеюсь.*

Она открыла дверцу холодильника и подавила приступ тошноты. Полки были заставлены картонными коробками, но их содержимое давно протухло. Можно было различить сморщенную морковь и пересохшую цветную капусту, но остальные овощи превратились в коричневую кашу. Между прямоугольным куском покрытого плесенью сыра и корзинкой с тем, что когда-то было клубникой, стояла бутылка прокисшего молока. Единственным съедобным, что девушка смогла там разглядеть, были три банки варенья без этикеток. *Из одного варенья ужин не сварить.*

Эдриенн поморщилась и закрыла дверцу прежде, чем тухлый запах смог разнестись дальше по всей кухне. *Дом пустовал около трех месяцев. Конечно, вся, когда-то свежая, еда была испорчена.*

Она поискала взглядом кладовку и обнаружила ее в углу помещения. Дверцы скрипнули, когда Эдриенн их открыла, и ее сердце упало от представшей перед глазами унылой картины. И если холодильник был забит свежими продуктами, то содержимое кладовки ясно давало понять, что Эдит не являлась особенной поклонницей продуктов длительного хранения. На одной из полок Эдриенн увидела муку, разрыхлитель, чайные пакетики, сахар и соль, на второй – полупустую упаковку макарон без соуса, а на третьей – две банки консервированных сардин.

Ладно. Могло быть и хуже. Эдриенн причмокнула, взяла одну из банок с сардинами и принялась выдвигать ящики в поисках столовых приборов. *Не пир на весь мир, но хоть не умрем с голоду. Надо только придумать, как завтра добраться до города.*

Она открыла ящик под фарфоровой посудой и выдохнула, увидев тяжелое и явно дорогое столовое серебро. *Должно быть, этот набор – семейная реликвия. Хозяйка дома держала его в хорошем состоянии, тот даже не потускнел.*

Фарфоровые тарелки над ящиком с серебром привлекли внимание Эдриенн, но она не осмелилась их взять. Казалось варварством есть такую заурядную пищу, как консервы с дорогих тарелок с розовым узором. Она вытащила вилку и закрыла ящик.

На скамье рядом с холодильником стоял электрический чайник, а позади – старомодный металлический со свистком. Сперва Эдриенн потянулась за электрическим прибором, но, поколебавшись, пожала плечами и взяла металлический. Девушка убедилась, что внутри только пыль, без пауков – затем вымыла чайник, наполнила его до половины водой и достала один чайный пакетик из кладовки.

Она все же вынуждена была открыть стеклянную дверцу и достать фарфоровую чашку, потому что не смогла найти ни одну кружку. Чашка казалась невероятно хрупкой, и Эдриенн бережно держала ее в руках, пока возвращалась с чайником, вилкой и банкой консервов обратно в комнату отдыха.

В ее отсутствие огонь разгорелся сильнее, но это была не единственная перемена. Миска Вольфганга опустела, а сам огромный серый котяра восседал на ковре перед камином, аккуратно поджав под себя лапы. Повернувшись, он подмигнул Эдриенн, когда та вошла в комнату, а затем вновь отвернулся к огню.

– Этого следовало ожидать, – сказала его хозяйка, усмехнувшись, и опустила драгоценную чашку на маленький круглый столик возле кресла. – Я уже начала переживать, не навредила ли я тебе, притащив сюда, но, видимо, ты уже почувствовал себя как дома?

Одно ухо дернулось в ее сторону, но в остальном существование Эдриенн было проигнорировано.

Над огнем висел металлический прут. Рядом с поленьями Эдриенн отыскала пару толстых почерневших перчаток и использовала одну, чтобы повесить чайник на прут так, чтобы пламя охватило его основание. Затем она откинулась на спинку деревянного кресла, взяла банку сардин и открыла крышку.

Пожалуй, это был самый необыкновенный момент в ее жизни. Она уселась в чужое кресло – то, в котором, до приезда Эдриенн, вероятно, сидел один и тот же человек каждый вечер на протяжении пятидесяти лет – и принялась ковырять сардины серебряной вилкой, тяжелой и настолько вычурной, что она, казалось, могла принадлежать Букингемскому дворцу.

Мягкая пушистая лапа опустилась на ее колено, и, Эдриенн посмотрела в круглые зеленые глаза Вольфганга. Все безразличие исчезло, и выражение его морды превратилось в идеальное сочетание из жалости и обожания.

– Да ладно! – воскликнула она с притворным возмущением. – Ты уже ел!

Пасть кота раскрылась в беззвучном «мяу», а пушистый хвост дернулся.

– Ты растолстеешь, – она достала из банки кусочек рыбы. – Нет, прости, не так. Ты *растолстеешь еще больше*.

Кот жадно проглотил кусочек, который протянула ему хозяйка, затем облизнулся в ожидании добавки. Эдриенн вздохнула и с ласковой улыбкой, поделилась с ним остатками рыбы. К тому моменту, как они опустошили банку, а Вольфганг засунул в нее морду, слизывая масло с краев, чайник свистел в камине.

Девушка опустила чайный пакетик в чашку, снова натянула перчатки и сняла чайник с огня. С огромной осторожностью налила воду, боясь, что кипяток может расколоть хрупкую цветастую посуду. Но все обошлось, и, вздохнув с облегчением, она поставила чайник на каминную полку без каких-либо происшествий.

С минуту она раздумывала над тем, чтобы достать вторую банку сардин из кладовки – ведь половину ее ужина прикончил огромный серый монстр, который вновь не обращал на нее ни малейшего внимания – но отказалась от этой затеи. Эдриенн не знала, сколько времени займет дорога до города и *как* она вообще туда доберется, а потому посчитала разумным распределить остатки пищи, пока не выработает какой-то план.

Двадцать минут понадобилось, чтобы добраться от центра города на такси. Но они ехали медленно. Значит, дорога пешком займет у нее час или два. И примерно столько же обратно. В гору. С полными сумками. Она сморщила нос и подула на чай. Видимо, я все-таки сдержу свое новогоднее обещание привести себя в форму.

Должна же была Эдит Эшберн как-то добираться до магазинов. У дома не было припарковано никакого транспорта, но Эдриенн решила осмотреть его с другой стороны утром, когда взойдет солнце.

Если у Эдит и была машина, вполне вероятно, что она перешла по наследству к кому-то другому. Или была продана – если, конечно, Эдит не была ее единственной владелицей. Если дела обстояли так, то Эдриенн придется выкручиваться самой. Она могла купить велосипед, но хорошие велики стоили дорого, а все, что у нее осталось – двадцатка в кошельке и пустота на банковском счете. Дела пойдут лучше, когда ей заплатят за статьи, но уже два клиента просрочили выплаты по счетам и больше недели не отвечали на ее письма.

Вольфганг закончил вылизывать банку. Плюхнувшись на бок, он вытянулся, подставив живот огню в камине, и Эдриенн показалось, что она услышала слабое, но довольное урчание.

Наверное, хорошо быть кошкой. Никаких тебе счетов. Никаких трудных клиентов. Не надо придумывать, как вежливо сказать: «Переведи мне мои чертовы деньги!», потому что, если ты будешь груб, то никто больше не станет с тобой работать, а ты не можешь позволить себе остаться без работы.

Эдриенн откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Жар от огня приятно согревал ей ноги, и она дала себе минуту, чтобы разобраться с приоритетами. У нее был дом. Он был старым и странно пах, находился далеко от города, но, черт подери, у нее был свой собственный дом. Пока у нее был интернет, чтобы можно было вовремя отправлять статьи клиентам, она вполне могла быть тут счастлива. Она подумала о том, что могла бы даже полюбить этот город и, может быть, найти парочку друзей.

– А если никто не захочет со мной дружить, я просто заведу еще одного кота, – сказала она Вольфгангу. Котяра медленно сгибал и разгибал подушечки пальцев, словно разминая воздух. – Я заведу себе целую дюжину котов, дам им сопливые имена, вроде Кексика или Пышки, и превращусь в сумасшедшую кошатницу, живущую на холме. Как тебе такое?

Ответа не последовало. Не то что бы Эдриенн на него рассчитывала – по крайней мере, серый монстр выглядел довольным. Эдриенн улыбнулась и прикусила ноготь большого пальца, наблюдая, как угасали последние солнечные лучи. Без необходимости платить аренду, ее денег с фриланса должно было хватить на жизнь. Просто нужно было пережить несколько тоскливых недель, пока примут всю ее работу, и счета – будут оплачены. Затем она вновь займется накоплением средств, чтобы у них с Вольфгангом была подушка безопасности.

Рычание напугало ее. Вольфганг уже не лежал на боку, а перекатился на живот и привстал. Его уши были прижаты к голове, а шерсть на хвосте, и без того пышная, встала дыбом.

– Вольф? – Эдриенн поставила чашку на столик и наклонилась. Глаза кота были круглые, как блюдца, а зрачки настолько расширились, что зеленые радужки было почти невозможно разглядеть, усы дрожали. Он повернулся к ближайшему к камину окну и тихо зашипел.

Глава 5

Портреты

Эдриенн стояла неподвижно, не дыша и прислушиваясь изо всех сил. Слева от нее ровно потрескивали дрова в камине. Из-за ветра деревянные доски над головой двигались и стонали. За окнами же была полная тишина.

Эдриенн задумалась. Всего полчаса назад там была настоящая какофония из криков птиц. Даже если они все уснули, Эдриенн ожидала, что услышит хотя бы жужжание насекомых.

Вольфганг сжался в серый комок, развернулся и пулей влетел в свой укромный угол между книжным шкафом и роялем. Глядя, как кот спасается бегством, Эдриенн ощутила, как по рукам побежали мурашки. Это было совсем не похоже на Вольфганга – убежать от опасности.

Это всего лишь новый дом. Нужно дать ему пару дней. Она встала и подошла к окну. На улице была почти крошечная тьма, и все, что Эдриенн смогла разглядеть – лишь собственное бледное лицо и отблески огня, отражающиеся в стекле.

Где-то в доме загремела труба, затем все стихло. Балки и опоры над ее головой застонали еще сильнее, когда порыв ветра ударил по ним.

Должно быть, кот увидел какую-то тень и испугался. Эдриенн подошла ближе к окну и так сильно прижалась к грязному стеклу, что смогла почувствовать, как холод коснулся ее щеки.

Снаружи стояла гробовая тишина. Она могла различить лишь сияние луны, размытое и приглушенное редкими облаками, и силуэты деревьев на фоне неба. Между облаками виднелись десятки слабо светящихся точек. В ясную ночь небо здесь было звездным.

Сердце стучало так, что она не слышала даже треска дров. Эдриенн пыталась не обращать внимания на оба эти звука и услышать хоть что-нибудь снаружи – крик птиц, пение сверчка или гул совы – любое доказательство того, что мир за окнами существует. Даже деревья, казалось, были неподвижны, хотя дом стонал от порывов ветра.

Эдриенн окинула взглядом двор, пытаясь различить очертания форм в темноте и увидела лишь свет из окна, падавший прямоугольником на заросший сорняками газон. Ничего больше. Никакого движения ей заметить не удалось, однако Эдриенн ясно понимала, что будь за этим участком света человек, она бы его не увидела. От этой мысли ей стало плохо.

Прекрати. Ты пугаешь себя по пустякам. Вольф просто испугался, а снаружи все стихло – вот и все. Должно быть, у окон здесь хорошая звукоизоляция или что-то в этом роде...

Внезапно, словно по невидимому сигналу, лес ожил. Птицы закричали и взлетели в воздух, сотнями вырываясь из ветвей с неистовым стрёкотом крыльев. Пронзительно зажужжали насекомые. Где-то глубоко в чаще вскрикнуло какое-то животное – наверное, это была лиса. В своем убежище взвыл Вольфганг. Шум, поначалу напоминавший глухой ропот, становился все громче и сильнее и превратился в один из самых ужасных звуков, которые она когда-либо слышала.

Эдриенн зажала уши руками и упала на колени. Происходило что-то кошмарное, и хотя она не понимала причину, она чувствовала, как приближается нечто, грозящее поглотить и уничтожить само ее существо. Землетрясение, цунами или Армагеддон...

Звук начал стихать. Вольфганг задыхался, и его вой превратился в рычащее шипение. Крики стихли, птицы разлетелись насколько далеко, что их уже невозможно было услышать, а стрекот насекомых затих. Эдриенн медленно опустила руки и открыла глаза. Ее трясло, хотя ничего не произошло. Дом стоял на месте, никаких пожаров, гигантских волн или астероидов,

пролетевших над окрестностями не случилось. Если Судный день и настал, Эшберн весьма достойно устоял.

Вольфганг продолжал рычать из своего укрытия, но уже не так громко, он просто напоминал о себе, а не реагировал на неожиданную опасность. Пару долгих минут Эдриенн просто-яла на коленях на полу, но явление не повторилось. Наконец, она поднялась, медленно, словно одно неверное движение могло все испортить, и выглянула в окно.

Мир вновь был неподвижен, но тишина уже не была столь оглушительной. Эдриенн слышала, как деревья стонали под напорами ветра, а в двух метрах от окна трещал сверчок.

– Что ж, – Эдриенн вытерла вспотевшие ладони о джинсы. Грудь словно славилась тисками и она попыталась отдышаться. – Это безумие какое-то.

Вольфганг вышмыгнул из своего укрытия. Сердито взглянув на хозяйку, словно та была причиной его испуга, и должна была понять, как плохо поступила, кот вернулся к камину с упрямством животного, которое слишком привыкло к теплу и комфорту, чтобы продолжать свое существование без них. Эдриенн подождала, пока Вольф займет свое место, и вновь опустилась в кресло возле камина. Ощущая себя немного потрясенной, она дрожащими руками взяла чашку. Чай был уже чуть теплым, но она все равно его выпила. Ей был необходим кофеин.

Что это было, черт возьми? Я бы решила, что это землетрясение, но ничего не тряслось. Что могло так взволновать птиц за окном и Вольфганга, чего я даже не почувствовала? Может, какая-то страна объявила нам войну и сбросила атомную бомбу? Эти бомбы вообще так работают?

От такой мысли по коже Эдриенн пробежал холодок, и она неожиданно захотела осмотреть улицу получше. Если, не дай бог, что-то случилось с городом, она бы не узнала этого, потому что деревья, окружавшие дом, закрывали весь вид. Но если добраться до окон выше, чтобы взглянуть поверх леса...

– Будь здесь, приятель, – сказала Эдриенн коту, который совершенно не обращал на хозяйку внимания. Вытащив из чемодана куртку, она закуталась в нее и вышла из комнаты отдыха.

Свет в прихожей был все еще включен, но лампочка была настолько грязной, что, направляясь к лестнице в задней части дома, Эдриенн подумала, что бредет в сумерках. У подножия лестницы стоял маленький круглый столик. На нем примостились аккуратно расставленные на кружевной салфетке старая масляная лампа, спичечный коробок и металлическая банка. *Как-то странно было оставлять тут лампу. Может, в Эшберне часто случаются перебои с электричеством?*

Эдриенн прошла мимо столика и принялась подниматься по лестнице. Старые деревянные ступени закричали под ее весом, а шум, казалось, поднимался вместе с ней по узкой лестнице и разносился по верхним этажам.

Тьма, просочившаяся со второго этажа, поглотила Эдриенн, когда она покинула часть дома, куда еще достигал свет из прихожей. За углом, где лестница упиралась в стену, была крошечная темнота. Девушка прищурилась, пытаясь разглядеть очертания ступенек и молясь, чтобы на них не оказалось выбитых досок и торчащих гвоздей, и дотронулась кончиками пальцев до стены, чтобы сориентироваться в пространстве.

На вершине лестницы, наконец, появилась площадка, и Эдриенн облегченно вздохнула. Ее опять трясло, отчасти из-за рискованного подъема, отчасти от произошедшего только что. Ей потребовалась минута, чтобы осознать, что вверху лестницы не было выключателя.

Эдриенн вытянула руку, провела вверх-вниз по обоям, но не нашла и следа переключателя. В голову пришла мысль, которая показалась ей нелепой.

Не может быть. Это просто нелепо. Переключатель мог быть в самом конце коридора.

В одно из окон проникал лунный свет, и Эдриенн прищурилась, пытаясь разглядеть смутные силуэты. Девушке показалось, что она увидела приставные столики и огромные картины на стенах, но она не была в этом уверена.

Лампа, оставшаяся внизу, не давала ей покоя. Ее оставили так удачно, что Эдриенн могла буквально представить, как ею освещали верхние этажи.

Но в комнатах внизу было электричество. Почему же свет на нижних этажах был, а на верхних нет?

Она вновь взглянула на пустую стену и шагнула к ближайшей двери. Та открылась с протяжным скрипом. Эдриенн сунула руку в проем и ощупала стену, но не нашла никаких пластиковых переключателей.

– Да вы издеваетесь. – Она бросила последний недоверчивый взгляд на стену у верхней ступеньки лестницы и потопала обратно вниз.

Дом был невероятно стар. Стар настолько, что был построен до того, как электричество стало общедоступным. Вероятно, сооружение было слишком ненадежным, чтобы протянуть провода через стены верхних этажей. Или, быть может, Эдит могла позволить себе обеспечить электричеством только часть дома.

Эдриенн спустилась вниз и взглянула на столик. Лампа все еще ждала ее там. Стекло слегка помутнело от дыма и налипшей грязи, а рядом лежала почти полная коробка спичек. Девушка потратила несколько минут, пытаясь понять, как снять стеклянную колбу, чтобы добраться до фитиля, затем обнаружила, что масло почти закончилось. Внутри металлической банки, плескалась жидкость. Эдриенн открутила крышку.

Девушка понятия не имела, сколько масла лить в лампу. Последнее, чего ей хотелось – чтобы хрупкая вещица взорвалась в ее руках, но потерять единственный источник света в темном коридоре было еще хуже. Она зажгла фитиль, подождала, пока пламя стало ровным, затем опустила стеклянную колбу на место.

Свет лампы распространялся недалеко, но благодаря ему подниматься по лестнице стало гораздо легче. Когда она добралась до площадки второго этажа, ей удалось разглядеть обстановку в коридоре.

На стенах висели картины в вычурных позолоченных рамах. Поравнявшись с ними, Эдриенн пристально вгляделась. Это были портреты. Оглядев несколько картин, она поняла, что это были портреты одной и той же семьи: мужчина, две женщины и девочка. На некоторых они были изображены вместе – либо только мужчина и пожилая женщина – но большинство картин были индивидуальными портретами.

У мужчины были суровые глаза с тяжелыми веками, и густые каштановые усы. У женщины постарше – наверное, его жены, предположила Эдриенн – волосы были темнее, и на большинстве картин она улыбалась. Вторая женщина была моложе, с тонкими чертами лица и светлыми волосами. Девочка с волосами густыми и длинными, как у первой женщины, на всех картинах была с одинаковым серьезным и задумчивым выражением лица.

С самого начала портреты показались Эдриенн какими-то неправильными. Их было более пяти десятков, и на всех была изображена одна и та же семья. Картины были развешаны по всему коридору, их глаза следили за ней, как бы быстро она ни пыталась пройти мимо. Пульс Эдриенн участился, она стиснула зубы, наугад выбрала дверь и влетела внутрь.

Занавески были задернуты, не пропускали в комнату лунный свет, Эдриенн пришлось поднять лампу повыше, чтобы лучше разглядеть обстановку. У одной из стен расположилась кровать с пологом, его бордовая ткань лохмотьями свисала по краям. Напротив, рядом с комодом, стоял шкаф, одна его дверца была наполовину распахнута.

Сделав пару шагов внутрь комнаты, девушка заметила, что ковер был изрядно потерт, а одна сторона матраса измялась от десятков лет использования. Эдриенн почувствовала, как внутри нее все похолодело.

Это была комната Эдит.

Глава 6

Сияющие огни

Во рту у Эдриенн пересохло. Она начала пятиться назад, но остановилась у двери. *Не будь такой мямлей. Ты никому здесь не помешаешь. Она оставила этот дом, в том числе и эту комнату, тебе.*

И все же странно было ходить по ковру, протертому до нитки одной и той же парой ног, и видеть чужие черные платья, торчавшие из-за двери гардероба. Десятки лет одно и то же лицо выглядывало в эти окна – и для них Эдриенн была чужой. Девушка отдернула шторы и задохнулась от изумления.

Она хотела взглянуть поверх деревьев, и из окна Эдит открывался потрясающий вид. Прямо перед ней расстился ковер из леса, лунный свет отражался от верхушек деревьев, сливавшихся вдалеке с россыпью огней.

На долю секунды она подумала, что деревья охватило пламя, и Армагеддон все-таки наступил, но, моргнув, поняла, что сияние исходило от сотен горевших окон.

Ипсон. Не думала, что он так близко. И настолько ниже Эшберна. Должно быть, это очень высокий холм.

Прищурившись, Эдриенн посмотрела на огни города. Дома были слишком далеко, чтобы различить их явные очертания, но она не увидела ни дыма, ни признаков хаоса. Это успокоило ее. Что бы ни напугало птиц, на город это никак не повлияло.

Она выдохнула, и ее дыхание образовало небольшое туманное облачко на оконном стекле. Холод с улицы просачивался сквозь ее тонкую одежду, но любопытство было сильнее желания вернуться к камину. Девушка отвернулась от окна и осмотрела комнату.

Каким человеком была Эдит?

Измятый матрас и потертый ковер намекали на то, что хозяйка дома была либо женщиной устоявшихся привычек, либо не могла себе позволить покупку новых вещей.

Интересно, что заставило ее оставить дом мне. Если Эдит знала о счетах за лечение матери, если подозревала, что у меня будут такие же проблемы с деньгами... это могло стать ее способом помочь.

Несмотря на прохладный воздух, Эдриенн ощутила тепло. Ей хотелось бы познакомиться с Эдит – хотя бы встретиться с ней и поблагодарить за этот дар. Задумавшись, она двинулась вдоль кровати, затем резко остановилась и поняла, на что смотрит.

Прямо на деревянном изголовье были выцарапаны слова, которые образовывали новую фразу. Царапины, так же, как и внизу, были глубокими и хаотичными, и пролегли всего в нескольких сантиметрах над подушкой – таким образом, чтобы любой, кто лежал на этой кровати, мог увидеть слова, отклонив голову немного назад. Эдриенн подняла лампу и наклонилась поближе.

ПОМНИ СВОИ СЕКРЕТЫ

Она скрестила руки на груди, и лампа тихо звякнула. Желание узнать больше и понять загадочную владелицу дома боролось в ней с желанием вернуться вниз, в сравнительно безопасную и комфортную атмосферу, царившую в комнате отдыха.

Дверь гардероба была приотворена, демонстрируя небольшую полоску черного шелка, и Эдриенн направилась к ней. Дверца выглядела так, словно на внутренней стороне должно было быть зеркало, но девушка уже подозревала, что это не так. И оказалась права.

Петли жалобно скрипнули, но дверца отворилась плавно. На внутренней деревяшке не оказалось ничего, кроме очередного нацарапанного послания:

НИКАКИХ ЗЕРКАЛ.

– Никаких зеркал, – согласилась Эдриенн. Крошечные отверстия вверху и внизу дверцы подсказывали ей, что когда-то здесь висело зеркало, однако, его сняли. *Зачем, Эдит?*

Эдриенн отвела взгляд от дверцы и посмотрела на целый строй темных платьев. Их вид поразил ее, она поставила лампу на пол и достала одно из них, чтобы получше рассмотреть. Платье смахивало на реквизит из фильма про викторианскую эпоху. Длинное одеяние из тяжелого черного шелка с кружевной отделкой с высоким вырезом, должно быть, производило поразительное впечатление. В мгновение ока Эдриенн перенеслась на заднее сидение машины. Отрывистое дыхание матери эхом раздавалось в ее ушах, пока она смотрела, как медленно открывается дверь Эшберна. Высокая фигура в черном появилась в дверном проеме, и Эдриенн увидела бледное вытянутое лицо и блестящие черные глаза. Воспоминание исчезло, и она вновь оказалась в комнате Эдит.

Тяжело дыша и пошатываясь, она отошла от шкафа. Внезапно она поняла, насколько платье было длинным. Эдриенн не была коротышкой, но, чтобы подол платья не подметал пол, ей пришлось держать его так высоко, что кружевной воротник находился на уровне ее глаз. Она облизнула губы. Новая информация соединилась в ее голове с тем, что она уже знала об Эдит, и пожилая женщина в ее сознании превратилась в высокий, худой призрак в черном.

Что с того, что она высокая? Вытянутое бледное лицо из воспоминаний вспыхнуло в мозгу Эдриенн. *Возможно, Эдит носила по кому-то траур. Это не мешает ей быть хорошим и добрым человеком.*

Платье отправилось в шкаф к прочим предметам одежды, а Эдриенн решительно закрыла дверцы шкафа. Пальцы дрожали, и, чтобы унять дрожь, ей пришлось сжать их в кулаки.

Глупо было приходить сюда в первую же ночь. Мне следовало остаться с Вольфом и заняться изучением дома наутро.

Труба в стене дома позади нее загрохотала, и это испугало ее. Девушка схватила лампу и поспешила к выходу. Только она скользнула в дверной проем, десятки глаз устремились на нее. На какую-то долю секунды она застыла на месте, осматривая череду висящих портретов, затем направилась через коридор к лестнице и поспешила по ступенькам вниз.

Она не заметила этого раньше, но все члены семьи на картинах были одеты в одежду викторианской эпохи – такую же, как она обнаружила в гардеробе Эдит.

Так это ее семья? Может быть, именно она была ребенком на тех портретах?

Когда Эдриенн завернула за угол лестницы, пробили напольные часы. Она попыталась сосчитать фальшивые звуки, но голова все еще гудела от новой информации об Эдит, и потому она сбилась со счета. Десять или одиннадцать ночи – в любом случае пора было спать.

Вольфганг все так же лежал на ковре перед камином, но теперь животом вверх, перевернувшись на спину так, что все четыре его лапы торчали вверх. Если бы, при появлении хозяйки, он лениво не приоткрыл один глаз, можно было бы подумать, что это животное сбила на улице машина. Увидев это, Эдриенн рассмеялась, и тревога, вызванная походом наверх, тут же рассеялась.

Пламя в камине почти погасло, поэтому она добавила в него пару поленьев и вновь поставила чайник на огонь, чтобы разогреть. Достав простыни и подушку из чемодана, новая владелица дома оглядела комнату.

Помимо каминного кресла в ней было два шезлонга. В одном подушки были изрядно помяты, другим же, судя по всему, редко пользовались. Выбрав для себя последний шезлонг, Эдриенн набросила одну простыню на подушки и расстелила сверху вторую. Она не привезла ни одного подходящего одеяла, но у нее с собой была толстая шаль, которая вполне могла согреться до той поры, пока она не выяснит, была ли у Эдит гостевая спальня или что-то подобное.

– Хочешь еще чего-нибудь перекусить, приятель? – спросила Эдриенн Вольфганга, направившись за чайником и проходя мимо кота. Тот проследил за ней одним глазом, но низкое рокочущее мурлыканье намекало на то, что он останется ровно на том же месте, что и сейчас.

Эдриенн заварила чайный пакетик по второму разу, затем достала из чемодана книгу, выключила свет и, не раздеваясь, свернулась калачиком на своей импровизированной кровати.

Она намеревалась почитать у камина час или два прежде, чем уснуть, но тяжелый день сказался на ней сильнее, чем она думала. Вскоре она опустила книгу, чтобы понаблюдать за танцующими в камине огнями и своим пушистым питомцем. Свет от камина падал в щели между половицами, и казалось, будто пол прорезан черными линиями.

– Здесь у нас все будет хорошо, – сказала Эдриенн коту, пытаясь избавиться от жуткого ощущения, что вытянутое бледное лицо наблюдает за ней из одного из углов – того, где тени сгустились сильнее всего.

Глава 7

Гости

Сотни тысяч крошечных царапин прорезали дерево, но этого было недостаточно. Она продолжала скрести. Ногти ее были обломаны до мяса, кожа покрылась струпьями и потрескалась, выцветшие глаза невидящим взором уставились перед собой, дыхание разносилось низким и ритмичным хрипом, а пальцы продолжали делать свое дело. Она не могла остановиться. Не сейчас, когда она оказалась так близка к своей цели.

Скрежет по дереву раздавался эхом в крошечном, тесном пространстве, оглушая ее.

Почти у цели.

Еще обломки поддались, дождем усыпав белые щеки и черное платье. Она почти пробилась сквозь дерево и добралась до тяжелой влажной земли над своей головой.

Эдриенн проснулась. Что-то тяжелое давило ей на грудь, не позволяя ей дышать, и, в панике вскрикнув, она попыталась сбросить это с себя. Почувствовав, как оно зашевелилось, она поняла, в чем дело.

Где-то посреди ночи Вольфганг переключал со своего коврика у камина прямо на нее. Огонь, должно быть, погас, и ее тело стало более теплым пристанищем.

Кот был достаточно тяжелым, чтобы Эдриенн стало неудобно, она осторожно подвинула его, переложив рядом с собой. Зевнув, тот потянулся и продолжил спать.

Мне снился сон. Что это было? Словно я не могу дышать... я в западне... пытаюсь выбраться наружу...

Девушка взглянула на свои пальцы. Те были целы. Коротко остриженные ногти так же были в порядке. Эдриенн моргнула, пытаясь вспомнить сон, но это было все равно что пытаться удержать в руках воду.

Утро было в самом разгаре. Солнечный свет, приглушенный грязью на стеклах, струился сквозь окна и образовывал узоры на ковре и мебели. В комнате все еще было довольно тепло, но она чувствовала, что быстро холодает, морозный воздух с улицы постепенно побеждал жар от камина.

Она выскользнула из своей импровизированной кровати, постаравшись не потревожить Вольфганга, и натянула на тебя куртку.

Первый день в нашем новом доме. Что же нужно сделать? Еда в приоритете, но до того, как я отыщу дорогу в город, мне необходим душ.

Эдриенн не почистила зубы на ночь, и теперь казалось, будто во рту кто-то умер. Она поморщилась и провела рукой по волосам, стараясь убрать с лица выбившиеся пряди, а затем положила в миску Вольфганга свежей еды. Сонливость животного моментально исчезла при звуке сыплющегося корма, и кот ткнулся мордой в миску прежде, чем Эдриенн успела закончить.

– Успокойся, с голоду ты не умрешь, – она почесала его макушку, вернула кошачий корм на полку, затем достала из чемодана полотенце и туалетные принадлежности и вернулась в прихожую.

Лампа ожидала ее на маленьком столике у подножия лестницы – там, где Эдриенн ее и оставила. Утреннее солнце сияло достаточно ярко, чтобы осветить узкие ступеньки и комнаты наверху. Девушка быстро поднялась по лестнице и вновь оказалась в коридоре, увешанном картинами.

При дневном свете портреты было гораздо проще разглядеть, и даже Эдриенн, не обладавшая никакими творческими способностями, могла сказать, что художник был очень талантлив. Портреты были проработаны до мельчайших деталей. Позы были настолько естественны

и искусны, а сами картины настолько реалистичны, что она вновь ощущала, как десятки глаз смотрели ей вслед, пока она шла по коридору, заглядывая в комнаты.

Первые две двери, в которые она попробовала войти, привели ее в кладовки, забитые картонными коробками, закрытой чехлами мебелью и заплесневелыми ящиками. За третьей оказалось что-то вроде кабинета, и Эдриенн вошла внутрь, чтобы поближе рассмотреть богато украшенный резьбой стол у окна. Из окна открывался вид на покрытый лесом холм, внизу виднелся город. Легкая дымка струилась среди деревьев, стелилась над улицами Ипсона, придавая им загадочность. Все это выглядело потрясающе.

Отличное место, чтобы писать. Она пробежалась кончиками пальцев по поверхности темного дерева. *В этом ведь нет ничего неправильного, правда? Я не хочу проявлять неуважение, вторгаясь в личный кабинет Эдит и пользуясь ее любимым столом.*

Она провела по столу пальцем. То факт, что пыли на нем почти не было, позволял предположить, что его протирали регулярно. Чего нельзя было сказать о кабинете. Создавалось впечатление, что его посещали редко. Книжный шкаф был слишком аккуратно заполнен книгами, а письменный стол – слишком чист, что навело Эдриенн на мысль, что за последние годы в комнату заходили только ради уборки. *Возможно, кабинет принадлежал мужу Эдит.*

Эдриенн отошла от стола и постаралась не скорчить гримасу. По какой-то причине мысль о том, что Эдит была замужем, показалась ей нелепой. Девушка по-прежнему почти ничего не знала о своей благодетельнице, но что-то подсказывало ей, что Эдит Эшберн была одинока.

Эдриенн вышла из кабинета и прошла мимо следующей двери. Она вспомнила слова, вырезанные на дереве, которые увидела прошлой ночью. Ей не хотелось вновь рассматривать плоский матрас на кровати Эдит или ряды ее вычурных черных платьев.

К радости Эдриенн, дверь, следующая за спальней Эдит, привела ее в просторную и относительно чистую ванную. В отличие от остальных частей дома, которые были преимущественно расписаны старомодными узорами с розами, ванная комната оказалась белоснежного цвета с элегантными вставками цвета морской волны. Она выглядела вполне современно – так, будто была обновлена в течение последних десяти лет. У задней стены расположилась ванна с насадкой для душа, а сбоку огромная раковина.

Эдриенн включила воду в душе. Трубы загремели по всему дому, скрежеща и лязгая, и прошла, казалось, целая вечность, прежде чем из душевой лейки полилась жидкость. В ожидании Эдриенн почистила зубы, уставившись на пустое пространство над раковиной, где обычно висело зеркало. Она не удивилась, увидев вместо отражения уже знакомую фразу:

НИКАКИХ ЗЕРКАЛ.

Похоже, она убрала все зеркала в доме. Печально, ведь я ничего с собой не взяла. Я, наверное, буду выглядеть как пугало, когда появлюсь сегодня в городе. Не накрашенная, вспотевшая после спуска с холма, может быть, даже с ветками, застрявшими в спутанных волосах... горожанам будет, о чем посудачить.

Эдриенн усмехнулась, затем разделась и залезла в душ. Вода была изумительно горячей, но в душе не было вытяжки, и к тому моменту, как она закрыла кран, каждая поверхность в ванной комнате была покрыта мелкими капельками конденсата. Она искала какой-нибудь способ проветрить комнату, но единственным вариантом оказалось большое матовое окно за душем. Девушка никогда бы не рискнула делать такое в городе, но в нескольких километрах от поселка, без соседей вокруг, она чувствовала себя достаточно уединенно, чтобы отпереть замок и открыть настежь одно из окон.

Ледяной воздух ворвался внутрь. Выругавшись, Эдриенн побежала вытираться и одеваться, пока не продрогла. Она все еще натягивала джинсы, когда ее напугал звук двигателя. Балансируя, одной ногой в штанине, а другую неловко держа на весу, она прислушалась. *Не думала, что дом так близко к дороге, чтобы услышать машин.*

Шум ревущего мотора усилился, и вскоре хруст гравия под колесами подтвердил ее подозрения. Кто-то приехал.

Она натянула джинсы, сунула ноги в кроссовки и подошла к окну ванной. Аккуратный седан подъезжал к небольшой парковке у края дороги. Водитель развернул машину так, чтобы она остановилась лицом к выезду, словно готовясь к быстрому бегству, и это привело Эдриенн в замешательство.

Множество вариантов пронеслось в ее голове, но ни один из них ее не порадовал. Она представила, как кто-то из друзей или родственников Эдит пришел в ярость от того, что дом достался не ему, а чужачке. Или кто-то, посчитав, что она не заслужила этот дом, приехал, чтобы разрушить его в отместку. Или же воры прознали о ее одиночестве и почуяли легкую добычу...

Эдриенн натянула куртку, пробежала по коридору и слетела вниз. По бокам входной двери были установлены матовые стекла, и она прижалась к одному из них, чтобы украдкой разглядеть своих посетителей.

Четыре силуэта, тесно прижавшись друг к другу, пересекали внутренний двор. В руках у двоих из них были какие-то свертки, которые невозможно было различить. Когда они подошли ближе, Эдриенн выдохнула. Она узнала их: это были те самые четыре элегантные леди, которых она видела в городе у входа в кафе. Высокая блондинка с длинными волосами до плеч вела своих спутниц напрямиком к Эшберну.

Эдриенн отскочила от двери. По неизвестной причине, сердце бешено колотилось. Она сомневалась, что эти гламурные девушки приехали сюда, чтобы совершить все те ужасные вещи, которых она опасалась – что было, несомненно, хорошо, – но оставался вопрос, зачем они все-таки сюда приехали. Вчера они посмеялись над ней, когда Эдриенн проезжала мимо в такси. И это ей не понравилось. Может, они приехали просто поглазеть?

Не будь параноиком. Вероятно, они здесь в знак гостеприимства или хотят пригласить присоединиться к их книжному клубу или чему-то подобному. Они могли просто проявить дружелюбие.

Эдриенн схватилась за эту мысль. *Подруги. Они могут стать твоими подругами.*

Пока компания поднималась по ступенькам, она услышала их голоса. Один из них, тихий и встревоженный, произнес:

– Да ладно тебе, мы уже здесь! Если ты не хотела, тебе следовало сказать об этом еще в городе.

– Т-с-с, вы, обе. Она может услышать.

Третий голос говорил с театральным придыханием, которое было слышно даже через дверь:

– Сара, если хочешь, ты можешь остаться в машине. Но это может быть наш единственный шанс увидеть Эшберн.

На мгновение воцарилась тишина, затем раздалось приглушенное «ладно».

Значит, они все-таки приехали, чтобы поглазеть на дом. – Ощувив горечь, Эдриенн отошла от двери. – Я могу вести себя тихо, как мышь – пусть думают, что меня нет дома. В конце концов им придется уйти.

Голос в ее голове продолжал повторять: «Друзья, друзья, они могут быть твоими подругами». Эдриенн почувствовала легкое отвращение к самой себе, но затем вспомнила, что Ипсон – маленький городок. Если она хотела общения, у нее было не так уж много вариантов.

Одна из девушек трижды энергично постучала дверным кольцом. Прогредев по коридору, звук заставил дерево содрогнуться.

Эдриенн застыла в нерешительности. *Впустить их или заставить уйти прочь? Рискнуть или смириться с одиночеством?*

– Есть кто-нибудь? – девушка, которая сказала Саре, что та может остаться в машине, произнесла это достаточно громко, так, чтобы ее было слышно во всем доме. – Простите, что приехали без приглашения, но мы хотели поприветствовать вас в Ипсоне.

Эдриенн молча скрестила руки на груди. Ее сердце билось о ребра, словно пойманная птица, а мозг продолжал разрываться между диллемой: стоит ли отвечать или нет.

Через мгновение, яркий и громкий голос продолжил:

– Мы принесли булочки и джем со сливками. Мэрион сделала малиновое варенье – она сама выращивала малину. Оно действительно очень вкусное.

Это все решило. Эдриенн была голодна, а в шкафу у нее не осталось ничего, кроме банки сардин и кошачьего корма. Если впустить в свой дом группу пустоголовых любопытных сплетниц – та цена, которую ей придется заплатить за булочки с джемом, что ж. Она была способна это пережить.

Девушка бесшумно отступила назад по коридору, затем направилась к двери, намеренно ступая громче, чем обычно, чтобы девушки не заподозрили, что хозяйка дома пряталась в нескольких метрах от них. Она попыталась сглотнуть ком в горле – вопреки ожиданиям легче не стало, и понадеялась, что ей удастся изобразить радушие, затем повернула ручку и распахнула дверь.

Глава 8

Маски

Светловолосая предводительница компании стояла ближе всех к Эдриенн. Она держала корзинку, накрытую тканью, а красные губы растянулись в лучезарной улыбке. Три ее спутницы – одна, невысокая, коренастая с коротко стриженными черными волосами; вторая, высокая и крупная девушка с вытянутым лицом; и третья, бледная, с прямой челкой – все стояли немного, позади.

– Как приятно с вами познакомиться! – светловолосая протянула корзинку так, словно эта фраза могла спасти ее от отказа. Это, как подумала Эдриенн, было не так уж далеко от истины. – Слишком давно в нашем городе не было новых лиц. Меня зовут Джейн.

– Эдриенн, – в порыве она протянула руку, чтобы пожать руку Джейн, но та не догадалась переложить корзинку в другую руку, потому Эдриенн просто сжала пальцы в кулак и с нервным смешком опустила ее обратно. – Эм... не хотите войти? – совершенно растерявшись, она отступила в сторону и позволила элегантным девушкам войти внутрь. Единственными посетителями в доме ее матери были их близкие друзья, и Эдриенн понятия не имела, как вести себя, когда принимаешь гостей. Ее тревога только усилилась, когда она подумала о том, как неопрятно, должно быть, выглядела в своей одежде, которую носила уже второй день, и с мокрыми волосами.

Эдриенн повернулась, чтобы проводить посетительниц в гостиную, но остановилась. Одежда и подушки все еще были разбросаны по дивану, и она не знала, как Вольфганг мог отреагировать на незнакомых людей. Поэтому она распахнула дверь в гостиную – более чистую и красивую комнату, окнами выходящую в садик перед домом, – и провела их внутрь.

Солнечный свет струился сквозь стекла, создавая резкий контраст между цветочными узорами и темным деревом мебели. Оглядевшись, ее гости издали тихие звуки одобрения. Джейн опустила корзинку на кофейный столик, стоявший между креслами.

– Боюсь, я не захватила с собой тарелки, – в солнечном свете ее зубы выглядели ослепительно белыми, а в волосах играли золотистые блики. Эдриенн почувствовала укол зависти. Никакие дорогие салонные средства не смогли бы заставить ее волосы так идеально блестеть.

– Без проблем, все в порядке, – она махнула рукой в сторону стульев. – Эм... присаживайтесь. Я приготовлю чай и принесу тарелки. Одну минуту.

Выходя из комнаты, она едва справилась с желанием оттуда выбежать. Когда она закрыла за собой дверь и прижалась и прижалась к ней спиной, у нее перехватило дыхание. *Ужасно. Они засмеют тебя! Из-за дурацких правил Эдит по поводу зеркал ты выглядишь просто кошмарно, и ты понятия не имеешь, есть ли в этом доме заварочный чайник. К вечеру ты станешь самым главным посмешищем города.*

Из-за закрытой двери донесся голос. В нем звучало едва заметное удивление:

– Не думала, что она так молода.

Эдриенн отошла от двери и поспешила в кухню, чтобы наполнить и включить электрический чайник. В поисках приличных современных кружек она обыскала каждый шкафчик и ящик, но в конце концов была вынуждена признать поражение и подать чай в пестром китайском сервизе. По крайней мере, у Эдит был заварочный чайник. Эдриенн нашла поднос и нагроутила его тарелками, чашками, блюдцами и сахаром, но молока у нее не было. *Придется им довольствоваться просто черным чаем.*

Чайник закипел. Она бросила два чайных пакетика в чайник, наполнила его горячей водой и медленно подняла, осознавая, что держит в дрожащих руках целое состояние. Возвращаясь по коридору обратно в гостиную, она старалась глубоко дышать.

Тихий шепот был слышен из-за двери, но стих, когда она бедром толкнула ее вперед. Девушки расположились на мягких шезлонгах, оставив для Эдриенн кресло с высокой спинкой. Когда хозяйка вошла, все улыбнулись. Она почувствовала себя так, словно вступила в какой-то степфордский клуб.

Опуская поднос рядом с корзинкой для булочек, Эдриенн сосредоточилась на том, чтобы ничего не уронить, а затем принялась расставлять чашки.

– Сахар? – спросила она и услышала в ответ целый хор «да, пожалуйста» и «нет, спасибо».

Постаравшись запомнить, кто что ответил, девушка начала разливать чай.

– Простите, молока нет, – сказала она с натянутой улыбкой.

Предводительница Джейн отмахнулась своей наманикюренной ручкой.

– Черный чай вполне сгодится. Спасибо. О, я ведь даже не представила тебе своих друзей? – она указала на невысокую девушку с короткой стрижкой, которая сидела рядом с ней. – Это Бет. Она работает в кафе «Космический кофе». А это, – Джейн кивнула в сторону высокой худощавой леди, – Сара, она работает в библиотеке. В последнее время она устраивает много благотворительных акций, чтобы помочь библиотеке закупать новые книги. Она качнула головой в сторону бледной девушки с каштановыми волосами. – А это Мэрион, она учится на ветеринара.

Джейн, Бет, Сара, Мэрион. Эдриенн попыталась сохранить эти имена в своей памяти и одновременно с этим не расплескать чай. Это была почти невыполнимая задача.

Джейн наклонилась вперед, аккуратно сложив руки на коленях.

– Эдриенн, не так ли?

– Да. Или, эм... можно просто Эдди. Большинство зовет меня Эдди.

Она протянула Джейн чашку с чаем, и в этот момент их тщательно срежессированная беседа развалилась. Эдриенн не была уверена, то ли это ее вина – быть может, она слишком рано отпустила чашку, то ли руки слишком дрожали, или сама Джейн задела блюдце, – но чашка выскользнула и разбилась о кофейный столик.

Осколки фарфора и брызги чая разлетелись вокруг. Джейн вскочила со стула и выругалась, а затем, густо покраснев, схватила ткань с корзины и принялась вытирать пролитый чай.

– Мне так жаль... мне очень-очень...

– Нет-нет, все в порядке. – Эдриенн попыталась помочь, поднимая с пола осколки разбитой посуды и складывая их на поднос.

– О, черт, я их разбила. Прости, я за все заплачу.

Эдриенн посмотрела на покрасневшее лицо Джейн и увидела, что та едва не плачет от смущения и потрясения. В этот момент словно пелена спала с ее глаз, вместе с масками гламурных див. Эдриенн увидела перед собой самых обычных и совершенно нормальных девушек. И как любой человек ни одна из них не была совершенством.

Цвет губной помады Джейн был слишком темным, а юбка – настолько узкой, что ткань сбивалась в некрасивые складки. Волосы Бет выглядели так, словно ей потребовалось утром не меньше часа, чтобы их выпрямить и уложить, однако, несмотря на все ее усилия, короткие волосы все равно выглядели немного растрепано. В нервном смехе Мэрион звучала тревога. Улыбка Сары выглядела как будто приклеенной. Безупречная, картинка, которую они продемонстрировали на крыльце, была именно лишь картинкой.

Не так уж сильно они отличались от Эдриенн – молодые девушки, которые считались взрослыми лишь по количеству дней рождения, они пытались как-то выжить и приспособиться в этом мире, так, чтобы никто вокруг не догадался, насколько они еще неопытны.

И они очень-очень старались ей понравиться.

Облегчение было просто невероятным. Ей хотелось смеяться и плакать одновременно, но Джейн все еще рассыпалась в извинениях, в панике перемежая их ругательствами, поэтому Эдриенн как можно бережнее забрала полотенце из ее рук.

– Все в порядке! Это моя вина. Пожалуйста, не переживай. У Эдит все равно был миллион таких вещей.

Джейн смущенно моргнула, но лицо ее все еще было пунцовым, как свекла.

– Правда, мне очень жаль. Я могу заплатить за это или купить что-то взамен...

– Нет, не говори глупостей. Я принесу тебе новую чашку. Дай мне минуту. И не пытайся подбирать осколки, ты можешь порезаться. Позволь мне.

Джейн послушно откинулась на спинку кресла и натянуто улыбнулась.

– Спасибо, Эдди.

– *Друзья*, – пропел голос в голове Эдриенн, когда она бросила осколки фарфора и мокрую тряпку на поднос и вынесла мусор из комнаты. *Они могли бы стать друзьями.*

Глава 9

Слухи и чай

Когда Эдриенн вошла в гостиную с новой чашкой и соусником, Джейн уже взяла себя в руки, лишь слегка порозовевшие уши напоминали о ее смущении. Она поблагодарила Эдриенн, взяла свежую чашку чая, а затем кивнула головой в сторону тарелки на кофейном столике.

– Мы приготовили для тебя булочки. Надеюсь, ты не против.

– Спасибо, – Эдриенн взяла одну тарелку и передала другую Бет, сидевшей рядом. – Вы сказали, что Мэрион сделала джем?

Мэрион, студентка-ветеринар с челкой, кивнула.

– Да, первая малина в этом сезоне.

– Ух ты, как вкусно, – пробормотала Эдриенн с набитым ртом. Она не преувеличила: джем был изумительно сладким и терпким.

Лицо Мэрион озарила гордость.

– Спасибо! Это рецепт бабули.

Атмосфера теперь была совсем не похожа на ту, что была, когда они только вошли в гостиную. Катастрофа с чайной чашкой избавила всех от неловкости первого знакомства. Эдриенн больше не боялась девушек, а они – ее. Откусив еще кусочек, Эдриенн почувствовала, что расслабляется.

– Вообще-то, я, правда, это ценю. После Эдит еды в доме осталось не так уж и много, а у меня не было возможности съездить в город.

– Ты хорошо ее знала? – спросила Бет, наклонившись вперед в своем кресле.

– Всего нет, – Эдриенн не знала, что именно можно рассказать гостям, и решила остановиться на самой простой версии событий. – Я даже не знала, что у меня есть двоюродная бабушка, пока она не умерла. Хотела бы я познакомиться с ней, пока она была жива.

Четыре девушки обменялись взглядами, но ничего не сказали. Бросив на них взгляд, Эдриенн ощутила прилив любопытства.

– А что? Вы ее знали?

– Мы не были *знакомы*, – заговорила медленно Джейн, взглянув на Бет, которая слегка кивнула. – Но мы *знали* о ней. Весь город знал о ней. Я... Не хочу показаться грубой, но...

– Нет-нет, продолжай, – Эдриенн положила булочку на край тарелки и наклонилась вперед.

Джейн виновато улыбнулась.

– Она была немного эксцентрична.

– *Немного*, – фыркнула Бет, но тут же осеклась, когда Джейн бросила на нее свирепый взгляд. – Прости.

– Видишь ли, она никого не пускала в свой дом, – Джейн пожала плечами. – Ты, наверное, видела предупреждающие знаки на подъездной дорожке. Последний раз здесь были десять лет назад, когда Джона Макмануса привезли сюда, чтобы отремонтировать ванную комнату. Он сказал, что это заняло у него два дня, а мисс Эшберн все это время стояла в дверях и следила за ним, не говоря ни слова, не двигаясь, просто... следила за ним.

Руки Эдриенн покрылись мурашками.

– Это, эмм... одна из причин, по которой мы приехали сегодня, – Джейн вновь виновато улыбнулась. – Ох, ты же решишь, что мы так невежливы! Мы, правда, хотели с тобой познакомиться, но мы...

– Но вы хотели увидеть дом, – выдохнула Эдриенн и позволила себе улыбнуться. В конце концов, они приехали поглазеть, и в этом она не могла их винить. Если бы в ее городе опу-

стел какой-нибудь дом, который пользовался дурной славой, ей тоже захотелось бы на него посмотреть.

– Черт подери, да, – ответила Бет. Ее глаза сверкали. – Я хотела посмотреть, заставлены ли здешние коридоры черепами.

– Бет, *прошу тебя*, – прошипела Джейн.

Эдриенн фыркнула от смеха и прикрыла рот рукой, чтобы не заплевать крошками стол. – Прости, ничего такого я не видела. Пока что.

Бет пожала плечами:

– Что ж, ладно. Я всегда считала, что это одна из самых глупых рассказней.

– Об Эшберне ходит много слухов, – сказала Мэрион. – Дети в городе любят рассказывать друг другу истории о здешних привидениях. Черт возьми, даже мы так делали, когда были маленькими. Этот дом – настоящий кладезь загадок. Эдит появлялась в городе каждый день, но никогда ни с кем не разговаривала – только с персоналом в магазине. И еще она всегда носила эти тяжелые черные платья, даже летом.

Эдриенн отчаянно хотелось узнать побольше о своей загадочной двоюродной бабке, но она решила сменить тему и поговорить о более насущной проблеме.

– Она появлялась в городе каждый день? Как она добиралась?

– Пешком, – ответила Бет. – И всегда с самого утра, так что она приходила в город как раз к открытию магазинов.

– Ого, должно быть, она была в отличной форме. Это долгий путь.

– Здесь есть короткая дорога, – Джейн указала в сторону окна на деревья, закрывавшие вид на город. – Через лес всего минут пятнадцать ходьбы по прямой. Мы называем этот путь тропой Эшберна, потому что Эдит – единственная, кто ею пользовался.

Эдриенн почувствовала себя так, как будто с груди свалился тяжеленный камень. Пятнадцать минут – это более чем приемлемо. Если она сумеет найти эту тропу, им с Вольфгангом больше не будет грозить голодная смерть.

– А какие еще были слухи? – спросила Эдриенн. – Ты говоришь так, будто люди боялись этого места.

Джейн пожала плечами.

– Некоторые боялись, я думаю. Другие говорили, что Эдит просто эксцентрична. В основном люди избегали ее, потому что она избегала их. Но да, об этом доме ходят странные истории. Не знаю, насколько они правдивы.

Эдриенн подняла брови в молчаливой просьбе продолжать рассказ. Бет была более чем счастлива ее удовлетворить.

– Не хочу хвастаться, но я немного эксперт по Эшберну, – сказала она. – Я слушала эти истории еще будучи ребенком, но и сейчас внимательно слежу за этой темой. Самая известная тайна – и единственная, достоверная – это пятничные огни.

– Мы все их видели, – продолжила Мэрион, беря себе еще одну булочку. – Каждую пятницу, сразу после захода солнца, в самой высокой комнате Эшберна загорались огни. Поскольку место находится на холме, такое было трудно не увидеть. Дом был похож на маяк.

Эдриенн вспомнила фразу, вырезанную на обеденном столе. СЕГОДНЯ ПЯТНИЦА, ЗАЖГИ СВЕЧУ. Несмотря на солнечный свет, льющийся в окна, она неожиданно почувствовала озноб:

– И как долго это продолжалось?

– Еще задолго до нас, – темные глаза Бет засияли, когда она наклонилась ближе. – Отец говорит, что так было всегда – каждую пятницу – с тех пор, как мисс Эшберн переехала в этот дом. Так мы и узнали, что ее не стало. Наступила пятница, а света не было.

– Ох... – Эдриенн подавила неожиданный приступ тошноты. Она не ожидала услышать подробности о смерти своей двоюродной бабушки так скоро.

Джейн вновь взглянула на Бет, а затем слегка улыбнулась Эдриенн.

– Мне очень жаль. Она не очень тактична.

– Нет, все в порядке. Я хочу побольше узнать об Эдит, – Эдриенн глубоко вздохнула и улыбнулась в ответ. – Ты знаешь, как... э-э... как она умерла?

Девушки обменялись взглядами. Бет, казалось, отчаянно хотела ответить на вопрос, но первой вмешалась Джейн, стараясь подбирать слова с большой осторожностью.

– Ну, на той неделе она вообще не появлялась в городе. Это было немного необычно, однако ничего экстраординарного. Иногда она не приходила несколько дней, если чувствовала себя плохо, поэтому никто не обратил на это внимания. Но когда в пятницу не загорелся свет, люди начали поговаривать о том, чтобы подняться на холм и проведать ее. Никто не хотел идти в Эшберн ночью, поэтому все договорились подождать до утра. Конечно же, она так и не появилась в городе, поэтому ближе к обеду горожане собрали поисковую группу, – Джейн облизнула губы и сжала руки на коленях. – Когда ее нашли, она уже сильно разложилась, вскрытие не позволило назвать точную причину смерти, но доктор сказал, что, скорее всего, это был приступ или закупорка сосуда. Он говорил, что она не страдала.

– Вот как..., – Эдриенн ощутила легкое головокружение. – Э-м-м, когда ты говоришь «так сильно разложилась»...

– Черная слизь ве-е-езде.

– Бет! *Ради бога!*

Эдриенн едва сдерживала истерический смех. Она ущипнула себя за переносицу, изо всех сил стараясь держать себя в руках.

– А ты не знаешь... То есть, наверное, это не имеет значения... Я знаю, что мне не следует... но ты не знаешь, где именно?..

– Прости, – Джейн покачала головой. – Где именно, я не знаю.

– Хорошо. Это хорошо, – Эдриенн глубоко вздохнула и убрала руку от лица. – На самом деле, это не имеет значения. Главное, что она не страдала. – Ей не хотелось думать о трупке Эдит или черной крови, медленно растекающейся от него по полу, потому она сменила тему на чуть менее рискованную. – Значит, свет был самой известной загадкой. Ты сказала, что были и другие?

– О, целая куча, – Бет, нимало не смущаясь, болтала с набитым ртом: – Дети иногда подначивали друг друга пойти по тропинке Эшберн и посмотреть, как близко подберутся к дому, прежде чем трухануть. Многие из них клянутся, что видели высокую фигуру, расхаживающую взад-вперед за задернутыми шторами. Некоторые говорят, что слышали сумасшедший смех и истеричные крики. Ну и, конечно, все они считают, что в этом доме водятся привидения. Терри говорил, что стоял на опушке леса, когда услышал за спиной чье-то дыхание, но, когда обернулся, там никого не было. А Майкл утверждает, что поднялся прямо на крыльцо. В одном из окон появилось призрачное лицо и сразу исчезло, прежде чем он успел завопить. Впрочем, и эти истории могут быть вымышленными. Дети любят пугать друг друга.

– Не только дети. – Джейн бросила на свою спутницу яростный взгляд.

– Не думаю, что она была плохим человеком, – Мэрион явно старалась немного смягчить разговор. – Пару месяцев назад я была волонтером в ветеринарной клинике – за практику мне можно зарабатывать дополнительные баллы по учебе – а мисс Эшберн пришла с собакой, которую нашла на улице. Животное сбила машина, и у него была сломана нога. Нам удалось вылечить пса и найти его владельцев, но он, вероятно, не выжил бы, если бы Эдит не принесла его нам, так что... да. Думаю, она любила животных.

– И в библиотеку она приходила каждую неделю, – сказала Сара. Девушка в первый раз заговорила с тех пор, как вошла в комнату, и ей, казалось, было трудно смотреть на остальных. – Она никогда не заводила бесед, но всегда возвращала книги вовремя. Я не могу гово-

ритель, что именно она брала – у нас есть правила конфиденциальности, – но обычно это была классика.

– Да из нее состоит почти вся библиотечная коллекция, – сказала Бэт, закатив глаза.

Сара поджала губы:

– В этом месяце мы купили *три* новых издания. Но... да. Мы держимся на пожертвованных нам книгах, в основном, старых.

– Какой она была? – Эдриенн не смогла сдержать любопытства. Образ Эдит Эшберн, который она нарисовала в своем воображении, постепенно становился все яснее с каждым кусочком, что она узнавала. – Должно быть, она была очень стара, когда умерла.

– Это действительно так, – ответила Бет. – Ей было не меньше девяноста. Никто точно не знает дату ее рождения, но папа считает, что ей было около ста.

– И она жила одна?

Образ Эдит, шагающей по коридорам в бреду, невменяемой, и вырезающей послания на стенах, преследовал Эдриенн.

– Она была *очень* независима, – сказала Джейн. – Некоторые люди в городе из кожи вон лезли, чтобы подружиться с этой женщиной, особенно когда она стала старше. Мама даже пригласила ее к нам на ужин, а миссис Вестерн за пару месяцев до ее кончины попыталась подарить ей корзину с продуктами. Но она всегда отвергала любые предложения. И не в смысле *спасибо, не нужно*, а в смысле она просто смотрела на тебя и уходила.

– Как я уже сказала, она почти ни с кем не разговаривала, разве что когда покупала продукты. – Бет допила чай и с довольным вздохом поставила блюдце на стол. – Словно у нее было ограниченное количество слов, и она не хотела тратить их на тебя.

– Хм, – представление об Эдит Эшберн было все менее похоже на «память о бабуле» и становилось гораздо более суровым, чем Эдриенн хотелось бы. Она оглядела мебель – кресла с розовым узором, столы из темного дерева и книжные шкафы, старинные узорчатые обои – и попыталась представить себе высокую, худую, серьезную женщину, шагающую по дому, время от времени останавливаясь, чтобы выглянуть в окно или разжечь огонь.

Затем в ее сознании возник новый образ: Эдит, мертвая, лежит на деревянном полу. Ее пустые глаза уставились в потолок, а рот открыт. Тело медленно разлагается и истекает слизью.

Где она умерла? Точно не в спальне – матрас был слишком чистым. Может быть, в кухне? В гостиной? Неужели я ходила по тому же полу, что впитывал слизь, сочившуюся из ее гниющей плоти?

Эдриенн опустила свою чашку на стол с таким решительным звоном, что Джейн подпрыгнула. Ей хотелось прогнать из головы эти мрачные образы, и потому решила сменить тему на ту, которая, как ей казалось, должна была понравиться всем.

– Кто-нибудь хочет тур по дому?

Восторженный вздох Бет послужил тем самым ответом, которого она ждала.

Глава 10

Тур

Мысль показать гостям дом пришла к Эдриенн спонтанно. Ведя своих спутниц из гостиной в полутемную прихожую, Эдриенн уповала на то, что подобное решение не было неуважением к ее покойной двоюродной бабке. Судя по тому, что Эдриенн узнала об Эдит, та не была бы рада туристам, разгуливающим по ее дому так, словно они приехали осмотреть достопримечательности.

Но Эшберн теперь официально принадлежал Эдриенн, а ей хотелось, с одной стороны, сохранить уважение к памяти Эдит, а, с другой, почувствовать себя уверенно в собственном доме.

Прошлой ночью коридоры и лестницы казались очень холодными и пустыми. Может быть, присутствие кого-то нового и их голоса могли немного оживить застывшее здесь время. Я не стану показывать весь дом и, уж точно, не спальню Эдит, но некоторые из нижних помещений и коридор с картинами... в этом ведь нет ничего такого?

Сначала Эдриенн показала девушкам гостиную, в которой спала накануне. Открыв перед ними дверь, она отступила, чтобы те могли войти.

– Здесь я буду жить, пока не найду подходящую спальню. Простите за беспорядок.

Бет шагнула в центр комнаты. Ее глаза метались из стороны в сторону, пока она изучала все детали.

– Черепов нет, но у Эдит был очень жирный кот. Круто.

Эдриенн проследила за взглядом подруги, который был устремлен на верх книжного шкафа, и расхохоталась.

– Нет, прости, кот мой.

Вольфганг, забившийся в узкую щель между книжным шкафом и потолком, моргнул, словно желая доказать, что он вообще-то здесь.

– О, он великолепен, – Мэрион, больше заинтересованная котом, чем гостиной, подошла к Вольфгангу и протянула ему руку, чтобы тот обнюхал ее. – Это наполовину мейн-кун, верно?

– Я взяла его с улицы, поэтому не совсем уверена, – Эдриенн глуповато ухмыльнулась и пожалала плечами. – Мама говорила, что он просто толстяк.

Вольфганг подтолкнул головой руку Мэрион, явно требуя, чтобы она его погладила. Та была счастлива выполнить его безмолвный приказ, и принялась ворковать над ним, почесывая коту шею и усы.

Бет просмотрела книги, стоявшие на нижних полках, и разочарованно поморщилась. Казалось, она надеялась увидеть там тома по оккультизму.

– На стене в прихожей есть надпись и еще несколько рисунков на лестнице, – сказала Эдриенн, зная, что это именно то, что нужно Бет. Она вновь распахнула дверь и подождала, пока девушки пройдут. Мэрион неохотно оставила своего нового друга, который томно зевнул и плюхнулся на бок.

Вернувшись в прихожую, все остановились, чтобы прочитать послание, вырезанное напротив гостиной: НИКАКИХ ЗЕРКАЛ. Свет проникал через открытую дверь и усиливал контраст между царапинами и деревом, на котором была вырезана надпись. Сара издала какой-то невнятный горловой звук, но остальные были зачарованы.

– Она написала это по всему дому, – Эдриенн почесала затылок. – Везде, где должны были висеть зеркала. Возможно, именно из-за этого сегодня утром я выгляжу немного потрепанно.

– Нет, все в порядке, – Бет наклонилась, уперев руки в колени и рассматривая царапины. – Обычно мы не наряжаемся так шикарно. Это просто наше дурацкое правило клуба на этот месяц.

– О, так у вас есть клуб?

– Ага, его организовала Джейн. Она считает, что мы должны делать что-то каждый месяц, чтобы совершенствоваться. В марте мы читали по одной книге в неделю. В этом месяце мы наряжаемся, как жители какого-то крупного города.

Это объясняло их шикарные наряды и прически, которые были одновременно эффектными и не совсем уместными. Эдриенн подозревала, что они черпали вдохновение из телешоу и фильмов, потому что почти никто в ее городе не одевался так чудно.

– Я постоянно получаю за это в клинике, – Марион, ухмыляясь, уже направлялась к лестнице. – Но все равно это весело.

Эдриенн подождала, пока Бет вдоволь насмотрится на царапины на стенах, и поманила девушек наверх.

– Кстати, Джейн, ты рассказала, где работают все, кроме тебя.

Бет понизила голос до глубокого зловещего шепота.

– Она работает на правительство.

– Господи, – уши Джейн вновь порозовели. – Не слушай Бет. Она заставит тебя верить в то, что я из Интерпола или чего-то в этом роде. Но нет, я просто администратор в коммунальной службе, – она искоса взглянула на Эдриенн. – Кстати, позвони нам через несколько недель, чтобы мы открыли твой счет, хорошо? Я подключила тебя к электричеству и воде, но я не знаю твоих данных, поэтому счет сейчас выписан на Джейн Доу из 1800-х.

– Коммунальные услуги... – *Черт, я должна была сделать это еще до въезда, верно?* – Спасибо, я даже не подумала...

Красный цвет разлился от ушей Джейн к ее щекам, и девушка отмахнулась от благодарности.

– Ерунда. Я узнала от Бобби, что дядя Сэма слышал, что ты приедешь в эти выходные. Поэтому я тебя подключила. Нет ничего хуже, чем жить без электричества или воды.

– Спасибо.

Эдриенн все больше радовалась тому, что открыла дверь, когда Джейн в нее постучала. Ее первое впечатление было настолько обманчивым, что она едва не отказалась от знакомства с девушками.

Подруги, настаивал голос в ее голове, и Эдриенн постаралась не улыбаться, ведя их по темному коридору.

– Взгляните на это, – Бет присвистнула, оглядывая ряд портретов.

– А их много.

– И на всех одна семья, – нахмурилась Мэрион. – Разве это не странно?

Отлично, я рада, что не одна нахожусь это странным.

– Может, они были очень самовлюбленными, – предположила Джейн.

Мэрион переходила от одной картины к другой, прищуриваясь, чтобы в тусклом свете разглядеть детали.

– И все же такие качественные полотна должны стоить дорого. И портреты выглядят так, словно их нарисовали всего несколько лет... видите эту девушку? Здесь она совсем ребенок, а вот здесь выглядит лет на восемь. Но я нигде не могу найти ее подростком.

Глаза Бет округлились, когда она посмотрела на своих подруг.

– Подождите, *вы не знаете?*

– Выкладывай, Бет, – сказала Джейн.

– Девчонки, это же семья мисс Эшберн, – Бет махнула рукой в сторону портретов. – Мистер и миссис Эшберн, Эдит Эшберн в детстве и невестка мистера Эшберна. Единственный член семьи, не изображенный на картинах, – это брат мистера Эшберна, Чарльз.

Она остановилась, выставив ладони вперед и широко раскрыв глаза, явно ожидая волны изумления, но та так и не последовала.

Джейн огляделась и пожала плечами.

– И что?

– О боже, что за бескультурщина! – Бет закрыла лицо руками в драматическом жесте отчаяния. – Вы действительно хотите сказать, что никогда не слышали о Чарльзе Эшберне? Знаменитом художнике?

– Ах, да, кажется, у моей мамы в гостиной есть один из его пейзажей, – сказала Мэрион. – Ты хочешь сказать, это он их нарисовал?

– Да! И еще куча таких же картин висит в музее. Как вы могли их не видеть?

Мэрион поморщилась.

– В музее пахнет мертвечиной, а мистер Бенсон может вышвырнуть вон, если слишком много болтать.

– Это малая цена, которую нужно заплатить, чтобы лично приобщиться к истории нашего города.

Бет расхаживала взад и вперед, как зачарованная, и Эдриенн пришлось отступить в сторону, чтобы девушка не сбила ее с ног.

– Чарльз Эшберн был не просто знаменит в Ипсоне – он был безобразно знаменит. Он рисовал для кучки лордов и подобной братии и много путешествовал, пока у него не случился нервный срыв, – Бет остановилась, тяжело дыша, и протянула руку к ближайшему портрету, на котором Эдит была изображена ребенком. – Он вернулся жить к своему брату, мистеру Эшберну, и принялся одержимо рисовать свою семью. Пять лет спустя он умер, но до этого успел нарисовать около девяноста картин. В музее их около дюжины – видимо, остальные висят здесь.

Джейн покачала головой и улыбнулась подруге.

– Ух ты. Я знала, что тебе нравятся городские легенды об Эшберне, но не представляла, что ты настолько одержима.

– Дорогая, милая Джейн. Мы с вами только начали, – Бет сцепила пальцы в замок и пристально посмотрела на каждую из своих спутниц. – Вы знаете, как умер Чарльз Эшберн?

– Я слышала, что вся их семья погибла из-за какой-то трагедии, – Сара, самая тихая из всей компании, заговорила во второй раз за день. Ее глаза размером с блюдца бегали от одного портрета к другому. – Все, кроме Эдит Эшберн.

– Рада видеть здесь хоть *кого-то*, кто знает их историю. Можешь рассказать, что это была за трагедия?

Губы Сары дрогнули, и она бросила на Эдриенн испуганный взгляд, прежде чем опустить глаза в пол.

– Эммм...

– Ну и?

– Убийство, – прошептала она.

По рукам Эдриенн вновь побежали мурашки, и она скрестила их на груди. Настойчивые взгляды портретов больше не казались ей доброжелательными, а были скорее отчаянными. Обличающими.

– Совершенно верно, – Бет начала расхаживать вокруг группы девушек, а ее голос сделался низким и зловещим. – А хотите узнать самую странную вещь? Никто не знает, кто это сделал. Был ли это художник Чарльз Эшберн, больной человек, который больше не смог выносить то, что выпало на его долю? Была ли это его жена, сама кротость и смирение? Или, быть

может, мистер или миссис Эшберн, сломленные болезнью брата? Или, – Бет подняла палец, чтобы отвлечь внимание девушек от портретов, – это был незнакомец, ворвавшийся в дом и хладнокровно убивший всю семью? Возможно, мы никогда этого не узнаем.

Эдриенн попыталась улыбнуться, но ее лицо окаменело:

– Ну, безусловно, должен же быть какой-то способ это узнать. Что говорили в полиции?

Бет пожала плечами.

– На самом деле никто ничего не помнит. Это было задолго до моего рождения, не забывай. Отец моего дедушки был совсем маленьким, когда все это случилось, так что все, что я могу вам рассказать, как минимум, из четвертых рук. Кто-то утверждает, что семья была изрублена на куски. Другие говорят, что их застрелили. Третьи считают, что это было вовсе не убийство, а болезнь, которая охватила всю округу и унесла почти всю семью. Все, что мы знаем, это то, что Эдит Эшберн – единственная, кто выжил. Она уехала на некоторое время, затем, уже взрослой, вернулась и больше никогда не покидала Эшберн.

– Ого, – Джейн побледнела. – Я слышала, что ее семья умерла, но понятия не имела... Неудивительно, что она была такой странной. Такие вещи кого угодно сведут с ума. – Она поморщилась и тихо добавила. – Я должна была быть к ней снисходительнее. Когда она приходила в город мы распевали дурацкую песенку: «*Эшберн, Эшберн, сожжем Эшберна дотла*». Господи, надеюсь, она ничего не слышала.

– Да у нее наверняка к тому времени уже был маразм, – Бет, казалось, совершенно не была обеспокоена проблемами Эдит, и снова повернулась к картинам. – Она была ребенком, когда произошло это убийство. Вероятно, она мало что помнила.

Мэрион резко выругалась, и все девушки подскочили.

– Простите, – прошептала она и с извиняющейся улыбкой подняла мобильник. – Просто... я не знала, что мы задержимся здесь надолго. Моя смена в ветклинике началась десять минут назад.

– Это моя вина, – сказала Джейн, поворачиваясь к лестнице. – Я совсем не следила за временем. Прости, что мы уезжаем так рано, Эдди. Спасибо за чай и за то, что показала нам дом.

– Спасибо, что приехали, – ответила Эдриенн и осознала, что действительно была им благодарна за это. – Было очень приятно познакомиться. Приезжайте как-нибудь... если, ну... если захотите.

– Было бы здорово.

Они подошли к входной двери, и, когда Джейн открыла ее, золотистые солнечные лучи упали на ее шелковистые светлые волосы. Остальные девушки поспешили к машине, но она замешкалась на пороге и повернулась.

– Эй, ты говорила, что тебе нужно пройтись по магазинам. Подвезти тебя до города? Я могу показать, где начинается тропинка Эшберн.

– Да, – ответила Эдриенн, уже разворачиваясь, чтобы взять свою сумку из гостинной. – Да, пожалуйста, это было бы славно!

Подруги.

Глава 11

Телефон

Джейн высадила Мэрион возле ветклиники, а затем, прежде чем поехать в центр города, показала Эдриенн узкую тропку на краю леса, которая вела к Эшберну.

– Я бы предложила тебе выпить кофе или типа того, – робко начала она, – но я попросила Джерри подменить меня в коммунальной службе, чтобы я могла съездить в Эшберн. Мне, правда, нужно вернуться до конца смены, но, может быть, сделаем это в следующий раз?

– Да, с удовольствием, – Эдриенн отстегнула ремень безопасности, пока Джейн парковалась. – Позвони мне, когда... Ой, подожди, я же не знаю номера Эшберна. Ты, наверное, вряд ли сумеешь его найти?

Джейн покачала головой.

– Вообще-то я почти уверена, что в Эшберне *нет* телефона. Возможно, тебе придется купить мобильник. Сеть там наверху, наверняка, оставляет желать лучшего, но проложить кабель выйдет тебе в целое состояние.

– О да, это точно, – Эдриенн перестала платить за мобильную связь в прошлом месяце. Она подумала об одиноком двадцатидолларовом чеке, лежащем в ее сумочке, и о том, сколько необходимых вещей требовали ее внимания. *Новый телефон придется включить в список покупок под названием «когда я разбогатею».* – А до тех пор приезжай в любое время. Ты всегда желанный гость, – Эдриенн выскочила из машины и помахала рукой, когда Джейн выехала на главную улицу. Она подождала, пока компания свернула за угол, а затем огляделась.

Ипсон действительно был крошечным, осознала она, осмотревшись кругом и обнаружив, что могла увидеть каждый магазинчик в обоих направлениях улицы. *Парикмахерская... библиотека... пара магазинов одежды... магазин подержанных вещей... заправка...*

Эдриенн остановила взгляд на круглосуточном магазине неподалеку от места, где ее высадила Джейн. Это был очаровательный магазинчик со всякой всячиной, в котором товаров было больше, чем места, на котором они могли разместиться. Полки были забиты под завязку, а ящики и поддоны продуманно расположились вдоль узких проходов. Когда Эдриенн вошла внутрь, на двери зазвенел колокольчик. Девушка постаралась не обращать внимания на то, что все повернулись, чтобы взглянуть на нее.

Должно быть, здесь все знают друг друга. Она взяла корзинку у двери и постаралась не выглядеть так же смущенно, как себя чувствовала. *Наверняка, я выгляжу словно павлин в голубятне.*

Она протиснулась в ближайший проход и попыталась разобраться в порядке расположения полок и товаров. Рядом с печеньем лежали тряпки для пыли, а чуть дальше стоял ящик со свежими яблоками. *Тут все в алфавитном порядке или что-то вроде того?*

– Тебе нужна помощь, милая?

Голос прозвучал так неожиданно, что Эдриенн вздрогнула. Она повернулась и попыталась улыбнуться. Перед ней стояла полная женщина с серебристо-седыми волосами и подбородком, на котором появлялись ямочки, когда дама улыбалась. Бейджик, приколотый к ее выцветшей синей блузке, говорил о том, что это была Джун Томпсон, управляющая магазином.

– Да, спасибо. Я ищу кошачий корм.

Улыбка Джун стала шире, а вокруг глаз появились морщинки.

– Ну, конечно, милая. Тебе сюда.

Эдриенн старалась не замечать, как Джун то и дело исподтишка поглядывала на нее, ведя в проход, где, помимо прочего, стояли банки с консервированной свеклой, китайские

ловушки для пальцев и лейки. – Прямо сюда, дорогая. У нас есть несколько видов. – Так у тебя есть кот?

– И причем огромный, – Эдриенн посмотрела на пакетики с кормом. Здесь не было марки, которую предпочитал Вольфганг, поэтому она взяла одну упаковку и начала изучать список ингредиентов. Она была готова поступиться многим, но только не уровнем белка в рационе своего кота. – У него просто львиный аппетит.

– Как мило. Я сама собачница, – Джун постучала наманикюренными ногтями по краю полки, изо всех сил изображая безразличие, затем неожиданно повернулась к Эдриенн и выпалила вопросы, которые явно, но безуспешно пыталась в себе удержать. – Ты переехала в дом Эшберн, не так ли? Правда, что там все стены в крови?

Это определило все дальнейшее пребывание Эдриенн в лавке. Джун, которая, судя по всему, была одной из самых больших сплетниц в городе, очень интересовалась домом на холме. В свою очередь, Эдриенн удалось раздобыть новые крупицы знаний о своей двоюродной бабушке. Очевидно, Эдит делала все свои покупки именно в этом магазине.

– Она больше никуда не ходила, – гордо сказала Джун. – Даже в парикмахерскую. Должно быть, ее волосы были длиной минимум до бедер, но она всегда собирала их в пучок, так что никто этого не знает.

– Вы много с ней общались? – спросила Эдриенн, пытаясь подсчитать, сколько упаковок лапши быстрого приготовления потянет ее бюджет.

– О, нет, вовсе нет, – лицо Джун вытянулось, и она печально покачала головой, зашепестав седыми кудрями. – Не то, чтобы я не пыталась, честное слово. Она никогда ни с кем не разговаривала, разве что жаловалась, что газеты еще не привезли. Видишь ли, она покупала газету каждый день. Остальные покупки она делала по необходимости – в одни дни покупала овощи, в другие – выпечку, а иногда просто коробку яиц. Но всегда, без исключения, покупала газету.

Эдриенн как можно осторожнее попыталась узнать, что Джун знает о смерти семьи Эшберн, но была разочарована, обнаружив, что та знала об этом еще меньше Бет.

– Это было лет сто назад, милая, – они уже стояли на кассе, Джун сканировала предметы невероятно медленно, чтобы продлить разговор. – Я слышала, что было проведено какое-то большое полицейское расследование, но не думаю, что кого-то за это посадили. Я даже не знаю никого, кто помнил бы эту историю в наши дни. Это больше смахивает на детскую игру – «сломанный телефон», кажется. Один человек рассказывает своему другу историю, может быть, немного приукрашивает ее или искажает некоторые детали. Затем этот друг передает свою версию кому-то другому, и так далее, пока история не будет полностью исковеркана. На данный момент все, что ты сможешь узнать, вероятно, окажется фактом с той же вероятностью, что и мифом.

Эдриенн хотела было восхититься глубиной этой мысли, когда Джун наклонилась к ней ближе, заговорщически прижав руку ко рту, и прошептала:

– Хотя, если тебе интересно, я больше склоняюсь к версии Стивена, согласно которой у Эшбернов был второй ребенок, которого они держали запертым на чердаке, пока крошка не выбралась оттуда и не убила их всех во сне.

– О, ничего себе. – Эдриенн попыталась придумать подходящий ответ. – Э-э... вау. Звучит просто ужасно.

– Ясное дело. Двадцать один доллар девяносто три цента. Спасибо, милая.

Эдриенн застыла, протянув двадцатидолларовую купюру к кассе и услышав общую сумму. Ее лицо захлестнула горячая волна смущения. – О, эм, лучше уберем пару упаковок лапши...

– Забудь об этом, – Джун взяла деньги с теплой бабушкиной улыбкой и подвинула бумажные пакеты к Эдриенн. – Добро пожаловать в Ипсон, дорогая. Надеюсь, тебе здесь понравится.

Думаю, что так и будет. Рассыпаясь в неловких благодарностях, Эдриенн взяла пакеты с покупками и попятилась из магазина. Колокольчик звякнул у выхода, и взгляды вновь направились в ее сторону. Она знала, что многие покупатели ходили за ней и Джун по магазину, останавливаясь в проходе или задерживаясь в нескольких метрах позади, прислушиваясь к разговору. Однако это внимание не было таким уж неприятным, как ожидала Эдриенн. Оно не было враждебным, она не стала изгоем. Вместо этого она почувствовала, что город как будто стиснул ее в приветственных объятиях.

Держа эту счастливую мысль в голове, Эдриенн решила кивать и улыбаться любому, с кем встретится по пути к лесу. Большинство улыбалось в ответ, некоторые приветствовали ее. Только пара горожан – в основном дети с круглыми от удивления глазами – молча таращились на нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.